

72061
BORIS MAKASEEV

*В революционной
Испании*

ГОСКИНОИЗДАТ

МОСКВА * 1938

408
1427
ЗАПИСКИ КИНООПЕРАТОРА
БОРИСА МАКАСЕЕВА

*В революционной
Испании*

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ

ГОСКИНОИЗДАТ

Москва 1938

Книга иллюстрирована кадрами кинохроники
„К событиям в Испании“
операторов Б. МАКАСЕЕВА и Р. КАРМЕНА

36470-38

2011096488

Советские операторы хроники

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Группа операторов и мать Бориса Макасева выехали навстречу парижскому норд-экспрессу на ст. Негорелое. В Минске к ним присоединились белорусские хроникеры. Ночью встречали экспресс.

В окне вагона мелькнул знакомый футляр съемочного аппарата. С этим аппаратом Макасеев не расстанется уже много лет. И в Испании он восемь месяцев был неразлучен со своим испытанным другом. С этим аппаратом он исколесил и прошел пешком по Испании, показал всему миру — жителям городов и сел — ныне заливаемую кровью страну.

...Мать радостно целует и обнимает сына, мы — замечательного, любимого товарища. Он удивляется «широкой встрече» и уже в вагоне, на пути в Москву, все еще не понимает — «зачем это?» Мы делали рядовую, будничную работу, с которой справился бы каждый, — говорит Макасеев, и в этих словах весь он, скромный, простой, но всегда самоотверженный, решительный, готовый в любых условиях выполнить любую «рядовую», «будничную» работу.

Этой готовностью выполнить по первому требованию родины любое, самое сложное задание пронизана работа всего отряда операторов советской кинохроники, одним из бойцов которой является оператор-орденоносец Борис Макасеев.

Советская кинохроника родилась на фронтах гра-

жданской войны. И операторы-хроникеры в борьбе с врагами революции одинаково мастерски владели и съемочным аппаратом и боевой винтовкой. Первые советские операторы перебрасывались с одного боевого участка на другой, создавали ценнейшие кинохроникальные документы революции.

...Сто пятьдесят операторов кинохроники разбросаны сейчас по необъятным просторам нашей великой родины. Не много сколько-нибудь значительных событий в стране, на которые хроника не откликнулась бы специальным выпуском журнала или лаконичной кинокорреспонденцией, короткометражным очерком или большим документальным фильмом. Кинохроникеры в тесном содружестве с работниками печати, корреспондентами газет появляются в самых далеких уголках Советского Союза. Первый кинооператор мира, проникший на Северный полюс—советский хроникер Марк Трояновский.

Люди, вооруженные киноаппаратами, изо дня в день запечатлевают на пленке радостную жизнь советских народов.

О кинохронике хорошо сказал пламенный борец Анри Барбюс. В свой предпоследний приезд в Москву он семь вечеров провел в маленьком просмотровом зале Союзкинохроники. Уезжая, в своем письме хроникерам он писал: «Часами я просматривал выбранные вами отрывки из советской кинохроники за многие годы. Это было как бы большим путешествием, которое я совершил. Я видел советский мир сжато, но, несмотря на это, во всех его подлинных размерах, с его широтой и глубиной, с его жизнью. Это было уплотнением, синтезом времени. Я обозрел целую эпоху в несколько мгновений.

Это были великие исторические съезды, их кипение, популярные фигуры вождей, торжественные демонстрации, военные парады с их архитектурными формами, эскадрильи самолетов, которые мгновенно меняют цвет неба, парашютисты, которые как камни, падают с облаков и вдруг замедляют свой лет, приземляясь. Я видел массы в праздники и в дни скорби. Я видел жизнь машин и рост промышленности и коллективный труд на полях.

Я просмотрел всю эпопею «Челюскин» — с начала до конца: отплытие, путешествие, работу, крушение, льдину, ледяной аэродром, исправляемый каждое утро

23 августа 1936 г. пограничному пикету народной милиции предъявили документы специальные корреспонденты Союзкинохроники операторы Роман Кармен...

... и Борис Макасеев...

потерпевшими крушение. Затем — аэропланы, эпопею спасения и возвращение в Москву среди неопишуемого энтузиазма. Героизм спасенных, героизм спасителей.

Я видел драму стратостата, который поднялся на 22 000 метров. На этот раз церемония возвращения была траурной; немногие из театральных драм равносильны ей по чувству.

Все эти картины, живописные или патетические, складываются в удивительное целое, несколькими яркими лучами освещающее современную историю нового, советского мира.

Несомненно, киножурналисты, создатели этой хроники большого размаха, вырванной прямо из жизни, имели богатейший материал. Но это делало еще более трудной их работу как художников. Сознательно выбирать — большая задача художника.

Вот почему я горячо приветствую руководителей, сотрудников, техников, всех работников Союзкинохроники, которые сумели, таким образом, одновременно выполнять дело создателей, документаторов, драматургов и историков».

Слова Барбюса прекрасно характеризуют лицо советской кинохроники.

В отличие от кинорепортеров капиталистических стран наши кинооператоры-хроникеры — не ловцы сенсаций, фабрикующие «свежие новости». Они пишут на пленке биографию нашей страны, образным языком кинодокументов рассказывая правду о нашей жизни и стройке, нашей борьбе и победах. Конденсируя в своих фильмах и журналах живой опыт лучших, рассказывая о жизни и достижениях передовых знатных людей страны, хроника на конкретных фактах учит борьбе и победам миллионы. Наша хроника — образная кинопублицистика. Правильно увидеть и политически оценить развернувшееся перед объективом съемочного аппарата явление, событие, отобрать лишь самое яркое, типичное, умело найти факт и передать на пленку его живое дыхание, сумев мастерством кинохроникера-художника поднять рядовой факт на высоту обобщения, на высоту художественного образа, — вот в чем задача каждого подлинного оператора-журналиста.

В рядах операторов советской хроники воспитаны мастера, вся творческая практика которых прямо отве-

чает на эти требования. При этом, в работе этих мастеров творчество прекрасно сочетается с быстрой ориентировкой, боевой оперативностью, решительностью, мужеством и отвагой — качествами, которые особенно ярко выявились в работе специальных корреспондентов Союзкинохроники в революционной Испании — операторов-орденоносцев Бориса Макасева и Романа Кармена.

Боевая практика советской киножурналистики наиболее ярко воплощена в творчестве операторов-орденоносцев. Из эпизодов их работы, из отдельных страниц их творческой биографии слагается коллективный портрет советского оператора хроники — журналиста, вооруженного киноаппаратом.

Вот оператор Владимир Петров и его ассистент Николай Подгорный. На конях они совершили поход с киноаппаратом вокруг Кавказского хребта. Партия и правительство наградили их орденами «Знак почета».

Они прошли верхом 3 000 километров, делая иногда по 100—120 километров в день. Они прошли Клухорский перевал, все время снимая, не отрываясь от аппарата, тот самый перевал, который в русско-турецкую войну штурмовал царский генерал, потерявший, — так и не одолев перевала, — восемьдесят процентов своих людей и лошадей.

Когда брали перевал, самым трудным был подъем по соединяющей два пика трехкилометровой гряде, напоминающей собой острую верхушку крыши дома.

По правую сторону — пропасть в 2 километра глубиной, по левую — озеро, покрытое тонким слоем льда. Если сорвешься вправо — разобьешься впрах, влево — и разобьешься и уйдешь под лед...

Здесь спешили. Нужно было поддерживать коней за хвосты, за гривы, нужно было снимать. Вместе со всем отрядом прошли без единой потери. В морозные дни, когда работали в снегу, аппарат замерзал. Надо было его отогревать. Способ был найден простой и быстрый: Петров прячет «Кинамо» под куртку, прижимается к лошади и двойным теплом отогревает камеру.

Журналисту печати, газетчику легче оператора-хроникера! Если замерзнут чернила в «вечном пере», най-

дется хотя бы огрызок карандаша. Исчезнет карандаш, иссякнет бумага — спасет память. Кинооператору работать трудней. Пленка, аппарат — вечный груз — сопутствуют хроникеру — пусть в самой длительной экспедиции, пусть в самой тяжелой, непривычной обстановке

Всему миру известно имя Аркадия Шафрана — оператора-челюскинца. Аркадий Шафран честно, мужественно и самоотверженно выполнил свой долг перед родиной. Челюскинская эпопея была запечатлена на пленке полностью, до последней минуты жизни ледового лагеря, до незабываемой встречи героев на Красной площади.

Вместе с Аркадием Шафраном в походе «Челюскина» участвовал Марк Трояновский. До «Челюскина» он совершил знаменитый рейс на «Сибирякове», снял фильм «Два океана», был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

После двухнедельной стоянки «Челюскина» во льдах стала реальной угрозой зимовки. У Трояновского и Шафрана возникла забота о пленке: они боялись, что негативная пленка советского производства, еще не испытанная в долгом хранении без проявки, не выдержит года зимовки. И еще — они хотели скорее рассказать стране о походе «Челюскина», упорно преодолевающего арктические препятствия.

В отряд, сформированный для отправки на материк из товарищей, которых ждала работа и которые должны были вручить правительству неотложные материалы освоения Арктики, О. Ю. Шмидт включил оператора.

С отрядом пошел Трояновский, с честью выдержав испытание. Он не только сохранил в полной целостности 2 000 метров заснятой на корабле пленки, пройдя пешком 400 километров (из них 100 километров по льду океана), но и, взяв с собой за счет запасов продовольствия киносъёмочный автомат, несмотря на пургу и усталость, заснял весь переход на материк.

Шафран работал в Арктике впервые. Трояновский уже имел опыт арктических съемок. Вот почему после перехода, попав на «Литке», он сразу же начал по телеграфу инструктировать Шафрана. Телеграфная переписка Трояновского и Шафрана — изумительный пример преданности делу, целеустремленности в выполнении поставленной задачи, умелой ориентировки в усло-

виях огромных северных пространств, заботы о том, чтобы ни один интересный эпизод похода, ни один заснятый кадр не пропали для советского зрителя.

Когда правительство наградило большую группу работников Главсевморпути за выдающиеся успехи в деле освоения Арктики орденом «Знак почета», вторым орденом был награжден и оператор Союзкинохроники Марк Трояновский. Недавно т. Трояновский был награжден третьим орденом за участие в героической экспедиции на Северный полюс.

Моряки Севера, летчики-полярники нежно называют Трояновского Мавриком. Они привыкли видеть его рядом с собой в суровых походах, они считают его своим северным оператором так же, как хроникеры считают Трояновского своим «старым морским волком», своим полярником. Вот почему ни на кого другого не мог пасть выбор, когда нужно было включить оператора в не имеющую себе равных в мире экспедицию на Северный полюс. И среди первых тринадцати советских людей, высадившихся на полюс, был Марк Трояновский. Его съемки штурма полюса — живой памятник большевистскому гению, осуществившему великую мечту человечества.

В двух далеких северных походах ледокола «Садко» участвовал оператор Владимир Ешурич, награжденный орденом «Знак почета» за заслуги в области кинооператорского искусства.

На стене его операторской кабинки висит карта нашей страны. Карта густо усеяна флажками, отмечающими места, в которых побывал Ешурич. На его глазах пошел первый поезд Турксиба. Он руководил выездной киноредакцией в Челябинске в самые напряженные дни строительства тракторного завода. Он снимал в Казахстане, Абхазии, Армении, Белоруссии, в колхозах, на заводах, в шахтах Украины. На «Садко» он побывал в районе Северной Земли, на островах Диксон и Уединения.

Владимир Ешурич снимал в Абиссинии хронику трагических дней порабощения этой страны войсками фашистской Италии.

Это был первый выход советской хроники за пределы своей родины на международную арену.

Ешурич пробыл в Абиссинии около шести месяцев.

В правдивых, волнующих документах рассказал он своей стране и всему миру правду о страданиях абиссинского народа, о кровавой работе фашистских завоевателей.

Борис Макасеев и Роман Кармен — молодые операторы, воспитанники советских школ.

Кармен в 1932 году окончил Государственный институт кинематографии. До этого он долго был фоторепортером. После ГИКа стал оператором-хроникером.

Советский зритель знает Кармена как участника замечательного пробега Москва — Кара-Кумы — Москва и одного из авторов одноименного фильма. Кармен — автор незабываемой съемки прилета в Москву тт. Димитрова, Попова и Танева, автор бесчисленных хроникальных сюжетов о людях и событиях нашей страны. Кармен — мастер лаконичного хроникального звукового киноинтервью.

Борис Макасеев пришел в кинохронику в 1928 году. До этого он работал в Пролеткино. Здесь он прошел прекрасную школу кинопроизводственника. Он был лаборантом, осветителем, мультиоператором, был помощником оператора. В качестве второго оператора ему пришлось снимать «модные» в те времена культурфильмы. Построенные на документальном материале, они столкнули Макасеева с фактами подлинной действительности, и это определило его дальнейший творческий путь.

В тяжеловесных схематичных культурфильмах застывала жизнь, тускнели яркость и многообразие изумительных фактов советского повседневья. И Макасеев ушел в кинохронику, чтобы запечатлеть на пленке жизнь своей страны в стремительности ее движения, в пафосе борьбы.

Макасеев никогда не был прикован к одному месту. География нашей страны изучена им по живой книге одиннадцати республик. Макасеев снимал строительство Магнитогорского и Кузнецкого металлургических гигантов, строительство и пуск Днепрогэса, Горьковского автозавода, с киноаппаратом в руках следил за ростом предприятий Москвы — АМО, «Динамо», «Шарикоподшипника». Он запечатлел в кинодокументах яркие эпизоды классовой борьбы на селе, организацию первых колхозов на Кубани и Украине, коллективизацию

На фронт!

В казармах имени Карла Маркса

Московской области и, наконец, зажиточную культурную жизнь колхозов Волги и Украины.

Он снимал XVII Съезд партии, Съезды советов, Съезд колхозников-ударников, последние конгрессы КИМа и Коминтерна. Бессленный, вплоть до отъезда в Испанию, оператор журнала «Советское искусство», он снял более 15 номеров этого журнала. Он снял хроникальные фильмы «Жить зажиточно» и «Две лишние буквы». Съёмки Макасева украшают ряд больших, выдающихся художественно-документальных картин.

Что бы ни снимал Макасеев — информационное ли кинособобщение, кинохроникальную ли заметку, тематически цельный очерк или эпизод большого хроникального фильма, в каждой его работе видна подлинно журналистская хватка, художественно-образительная культура, сочетающаяся с прекрасным знанием техники.

Макасеев — кинореporter, автор ряда незабываемых кинодокументов, отличающихся предельным лаконизмом, умелым отбором материала, непосредственностью запечатленного на пленке действия. Макасеев умеет в процессе съёмки оставаться незаметным для тех, кого он снимает, и поэтому в его многочисленных событийных сюжетах присутствие оператора никогда не воздействует на снимаемых, не сковывает их действий. Они живут своей жизнью, делают свою работу, и объектив фиксирует явление во всей его подлинности.

В этом сила кинорепортажа Макасева. Вспомним его съёмки подъема стратостата, триумфального шествия челюскинцев по стране, пуска метро, вспомним, наконец, вошедший в картину «Съезд победителей» кинорепортж Бориса Макасева из зала XVII Съезда партии.

Острый взгляд кинорепортера сочетается в Макасееве с большим вкусом оператора-художника. Картины «Первой», «Счастливая юность», «Киров», «Праздник весны человечества» и др. снимали коллективы операторов, но среди этих коллективных съёмок почти всегда можно узнать кадры Макасева. Они отличаются оригинальностью точек, свежестью композиционного построения, фотографической выразительностью. В съёмках Макасева нет ничего нарочито красивого, он не любит формалистического фокусничества, его работы про-

низывает композиционная строгость. Характерный пример — панорамы индустриальных гигантов в «Жить зажиточно», общие планы Кузнецка, вошедшие в золотой фонд советской кинохроники.

Но показывать нашу жизнь лишь «общим планом» значит многого не показать.

В картине «Две лишние буквы» Макасеев «крупным планом» показал украинский колхоз, его прекрасные будни, его замечательных людей. Незабываем эпизод в музыкальном кружке, когда пожилой колхозник учится играть на волторне...

В маленький, но трогательный эпизод Макасеев, равно как и режиссер, вложил много теплоты, настоящей любви к советскому человеку. Этой любовью согреты и многочисленные макасеевские съемки Максима Горького, Валерия Чкалова, Отто Юльевича Шмидта, лучших людей нашей родины.

Эту любовь к человеку-борцу, человеку-строителю новой жизни Макасеев пронес сквозь все годы работы на хронике, с нею в сердце вышел он, вооруженный киноаппаратом, на передовые позиции борьбы испанского народа за свою независимость.

И снимая цветущие валенсийские села, к которым подбирается грязная лапа фашистов, снимая республиканских бойцов, арагонских и наваррских крестьян Сойло Монтойя и Феликса Мерино, дерущихся за счастье и свободу, Макасеев вспоминал колхозников далекого украинского села Вербовое, мирно строящих радостную жизнь, и это окрыляло его, наполняло испанские съемки братской теплотой и нежностью к героическому народу.

...С одинаковым мастерством работает Макасеев на необъятных пространствах нашей страны, на фронтах гражданской войны в Испании и в четырех стенах павильона. Почти все съемки для журнала «Советское искусство» проходят в помещениях, обычно самых различных. Перед оператором, как и перед режиссером, стоит задача — расширить аудиторию театра, выставки, уложить в 300 метров пленки большой спектакль, в одном номере киножурнала рассказать об огромном, многообразном творчестве живописца. На смену стремительности репортера приходит продуманная работа со светом. Макасеев достиг прекрасных результатов в

кинофиксации театральных постановок и произведений живописи. В № 5 «Советского искусства» Макасеев, достигая мягкой, предельно четкой, художественно-выразительной фотографии, блестяще передает сочность кисти Репина. Несмотря на одноцветность ленты, на экране явственно ощущается характер репинских красок. Монтажно снимая, сменяя общие планы картины планами отдельных ее персонажей, кадрами деталей и одновременно достигая рельефности фотографии, Макасеев динамизирует, как бы оживляет картины. Это особенно ощущается в кадрах, показывающих картины «Бурлаки», «Не ждали», «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

В съемках театральных спектаклей Макасеев умело смягчает грим, делает реальными декорации, бутафорские вещи. Всеми имеющимися в его распоряжении кинематографическими средствами он добивается расширения на экране сценической площадки, — Макасеев творчески активно помогает режиссеру, не нарушая цельности спектакля, выбрать из него самое основное, яркое, типичное, донести сущность его и мастерство исполнителей миллионам зрителей. Всегда при съемках спектаклей Макасеев выдерживает единый стиль фотографии, характер которой определяется характером пьесы и, в частности, ее изобразительного оформления.

Одно из замечательных качеств Макасеева — абсолютная уверенность в работе, в хороших, обязательно хороших результатах съемки, полное отсутствие всяких сомнений — «выйдет или не выйдет»? Раз Макасеев взял аппарат в руки, значит, выйдет наверняка. Это знает каждый, кто с ним когда-либо сталкивался по работе. Эта уверенность Макасеева базируется на точных знаниях, глубококом изучении кинотехники, безостановочном освоении пленки. Макасеев в совершенстве владеет стационарными киносъёмочными аппаратами любой системы и еще лучше — портативным автоматом — основным орудием каждого подлинного хроникера. Автоматом он снял фильм «Жить зажиточно», целиком построенный на панорамах, автоматом он провел почти все съемки в Испании.

Многие кинохроникеры должны учиться у Макасеева

Молодые бойцы республиканской армии

На фронте здания портрет товарища Сталина

любви к кинотехнике. Когда он говорит о своем аппарате, вспоминается рассказ красноармейца из фильма «Тринадцать» о своей винтовке-подруге. Макасеев готовит аппарат к съемкам, как боец — винтовку к бою. Каким бы тяжелым ни был прошедший съемочный день, он обязательно заканчивается заботливой проверкой состояния аппарата, его боевой готовности. Так было и на Днепрогэсе, и в степях Кубани, и в горах Кавказа, так было и в Испании, где в тревожные мадридские ночи, в номере отеля «Палас» Макасеев систематически разбирал, прочищал, смазывал съемочный аппарат.

И еще одному качеству должны учиться кинохроникеры, да и кинематографисты вообще, у Макасеева — это необычайной скромности.

Наблюдавшие работу Кармена и Макасеева в Испании журналисты рассказывают, что в ожесточенных боях, в адском огне всегда можно было видеть фигуры советских кинооператоров, — возле аппарата падали убитые, но московские кинематографисты смело продолжали съемку.

Когда их хвалили, они отвечали скромно, вспоминая Кольцова:

— Мы делаем то, что необходимо для советского экрана. Но вот Кольцов, — тот работает!..

И Макасеев и Кармен имели счастливую возможность учиться у замечательного советского журналиста в процессе совместной с ним работы.

И, может быть, именно учеба у беззаветного, самоотверженного «правдиста», как и постоянная учеба у большевистской печати в течение всех лет работы на хронике, явилась основой творческого роста Бориса Макасеева, формирования боевого киножурналиста, передового оператора-хроникера, молодого непартийного большевика.

Р. Кацман

В революционной Испании

ЗАПИСКИ КИНООПЕРАТОРА

На рассвете 19 августа 1936 года мы — два советских кинооператора — прощались с Москвой. На аэродроме было сыро и ветрено. Мы пожимали руки товарищам. В тот же день вечером прилетели в Париж.

И с тех пор словно вечность прошла. Трудно представить себе, что в «вечности» всего лишь восемь с половиной месяцев. Мы были свидетелями нечеловеческой по напряжению и сверхчеловеческой по героизму борьбы народа за свободу Испании. И нужны горы листов бумаги, — когда-нибудь мы эти горы испишем, — чтобы рассказать все, что мы в такой короткий срок увидели. Сейчас же расскажем лишь самое важное — то, что хочется рассказать немедленно, не откладывая ни на одну минуту, еще раньше, чем замолкнут пушки в Испании.

1

23 августа мы перешли небольшой мост, и относительно спокойная Франция осталась позади. Начиналась Испания — темпераментная, бурная, словно взорванная. Мы находились в Ируне, в том самом Ируне, который вскоре затем превратился в арену чудовищных преступлений наступающих варваров.

Нас встретили не совсем обычные пограничники. Это были люди, одетые кто как попало (чаще всего — в рабочих блузах, с красными платками на шее, в беретах), вооруженные охотничьими ружьями, самодельными,

похожими на консервные банки гранатами, опоясанные пулеметными лентами, полубритые, грязные.

Эти люди приняли нас как родных. Едва мы успели назвать себя, как очутились в объятиях. В Испании, здороваясь с друзьями, полуобнимая, нежно похлопывают по спине. Так поздоровались с нами. Когда мы показали красные паспорта, на которых золотом была вытиснена эмблема Советского союза, восторг стал всеобщим. Наши паспорта переходили из рук в руки. Каждый хотел пощупать красную книжку, нежно похлопать нас по плечу, и мы почувствовали, что попали в среду своих близких товарищей. Никто из них не был похож на пограничных чиновников. Это были преимущественно астурийские рабочие и крестьяне, портовые рабочие, вооружившиеся для отпора врагам своей родины.

Встреча длилась сравнительно долго. Мы пожимали множество рук, нас встречали словно добрых знакомых после разлуки. Мы не знали испанского языка, и первым словом, запомнившимся навсегда, было слово «Сamarada» — товарищ.

Словами не хочется повторять того, что удалось нам показать на экране. Да и слово мне — оператору — кажется материалом более тугоплавким для рассказа о главном. Хотелось бы еще раз побывать в Испании, уже победившей Испании, солнечной и прекрасной, для того, чтобы записать на пленке вступление к сделанной нами работе.

И все увидели бы, как хороша эта страна! Мы старались показать героизм ее народа, но этого мало. Героизм этот — результат беззаветной любви к своей прекрасной родине.

Многие из нас знают Испанию лишь по опере «Кармен» — музыке Бизе и стилизованным рассказам об искусстве тореро. Отправляясь в Испанию, мы знали о ней не больше.

Солнце в Испании перестает светить только ночью. На юге Испании, от Барселоны до Малаги, вдоль по берегам Средиземного моря деревья всегда зеленые. Испания — преимущественно горная страна. По живописности она почти не уступает Кавказу. Зимой в Испании нам, северянам, не показалось бы холодно. Летом

жарко, — тут уж ничего не поделаешь, — летом и в Ленинграде не холодно.

Эта маленькая (впрочем, не самая маленькая в Европе) страна впитала в себя огромное количество человеческого труда. Испания густо опоясана автомобильными путями. Почти все шоссе асфальтированы. Почти всюду в Испании еще пахнут сохой, но земля хорошо обработана. Даже теперь, когда взрослые мужчины на фронте, а на полях трудятся старики, женщины и дети, — даже теперь крестьянская земля на территории, занимаемой республиканскими войсками, вся засеяна.

Испанский народ трудолюбив. Как ни богата земля, как ни щедра она урожаями, кормила она далеко не всех одинаково. На каждом шагу встречаются контрасты: много дворцов и старинных замков, еще больше, во много раз больше — жалких лачуг. В городах — европейские, широкие улицы, красивые большие дома и порой вплотную примыкающие к ним старинные узкие улочки, какие иногда встречаются на Востоке, населенные беднотой. Средневековые причудливо переплетается с современностью.

Такова Испания, «виновная» перед иноземными захватчиками лишь в том, что является удобным плацдармом для будущей войны. Такова Испания — страна Сервантеса, Веласкеса, Гойи, Лопе де Вега. Мирной Испании мы — Кармен и я — не видали. Вся Испания — на войне. По пояс в крови испанский народ защищается и, защищаясь, завоевывает право на свободу, на труд, на прогресс.

Перед нами, советскими операторами, стояла задача показать эту борьбу, кинодокументальным материалом увековечить эту борьбу, показать всему миру, что маленькая, беззащитная страна не просто вспыхнула изнутри, как стараются доказать фашисты, а подожжена извне, подверглась нападению современных каннибалов, врагов трудящихся, врагов испанского народа, врагов культуры и прогресса — фашистов.

2

В красном Ируне было шумно и людно. Впоследствии столбцы многих журналов (в том числе, кажется, и советских) обошла фотография мужчины, перебегающего

через мост с ребенком на руках. Это было тогда, когда Ирун превратился в гигантский театр кровавых событий. Один из «зрителей» не выдержал и из своеобразного зала на той стороне границы перебежал через мост, чтобы спасти ребенка. А сколько детей погибло и погибает теперь от фашистских снарядов и пуль!..

В дни нашего приезда, в августе 1936 года, Ирун готовился к защите. Улицы Ируна были завалены мешками с землей, строились баррикады, возле домов в больших чанах варился обед, женщины быстро резали хлеб, мальчишки с помощью взрослых подносили мешки с землей и укладывали их штабелями.

В день нашего приезда мы снимали готовящийся к обороне Ирун, постройку укреплений, позиций. С киноаппаратами подъехали к большому дому — зданию бывшего муниципалитета, где находился штаб обороны. Пошли по широкой мраморной лестнице в верхний этаж, вошли в комнату и увидели группу — человек восемь вооруженных людей. Нас представили, и, когда находившиеся тут узнали, что мы советские люди, они встали, подняли кулаки и сказали «салют» (здравствуй, привет). Это слово стало вторым в нашем испанском лексиконе.

Знакомясь, и тут, как всюду впоследствии, нас хлопывали по плечу, трясли руки, и, когда, казалось, уж совсем познакомились, попросили предъявить паспорта, потому что людьми мы как-никак были незнакомыми. К тому же их смущали наши ящики с киноаппаратурой.

Паспорта проверили. С нами разговаривал красивый, энергичный, широкоплечий парень, обвешанный пулеметными лентами. Это был Мануэль Кристобаль, начальник и комиссар штаба, астурийский горняк, член Испанской коммунистической партии. Его окружали бойцы и командиры. Сосредоточенность сменялась у него юношеской улыбкой, улыбка переходила в шутку, шутка — опять в сосредоточенность. Несмотря на свою молодость, Кристобаль пользовался большим авторитетом и всеобщей любовью.

Мануэль Кристобаль только что вернулся с фронта. Бессонные ночи и напряженная работа сильно утомили Кристобаля. Его убеждали прилечь, отдохнуть. Но, не-

смотря на усталость, Крестобаль предложил нам сейчас же, не откладывая, посетить вместе с ним важнейшие боевые участки ирунского района.

Мы этого только и ждали. Нам, признаться, хотелось скорее быть в гуще военных событий, пустить в работу наши киноаппараты. Ни на секунду мы не забывали о нашем (и не только нашем, советском) многомиллионном зрителе, который с нетерпением ждал кинодокументов о героической борьбе испанского народа.

Крестобаль был одним из первых, понявших, что наша цель — цель советских операторов — показать миру правду и тем самым помочь испанскому народу в его борьбе за свободу. Мы ехали с Крестобалем по горной дороге, вдоль которой тянулись повозки с ранеными, боевыми припасами, продовольствием. На широком повороте дороги находился госпиталь — большой автомобиль, замаскированный зелеными ветвями. Мы беспрестанно вылезали, снимали, быстро перезаряжали аппарат и следовали дальше. На остановках Крестобаль нас ожидал и советами принимал деятельное участие в нашей работе.

В командном пункте, бывшем монастыре Сан-Марсиале, куда мы приехали с Крестобалем, была сконцентрирована вся телефонная сеть участка. Оттуда, в расстоянии, приблизительно, полтора метра, была хорошо видна цепь фашистских окопов, прикрытых кустарниками. С другой стороны этого участка нам была очень хорошо видна цепь республиканских окопов. Мы находились буквально в центре событий, и не было минуты, чтобы мы просто стояли — мы непрерывно снимали.

Наши аппараты не знали усталости.

Бойцы в окопах приветствовали Крестобаль как старого друга и командира. Крестобаль же, представляя нас, сказал, что мы советские граждане и что мы приехали запечатлеть правду об Испании.

Бойцы хотели с нами поздороваться и познакомиться покороче. Испанского языка мы не знали, но у нас был другой язык: мы поднимали крепко сжатые кулаки, обнимали друзей. Один из товарищей написал латинским шрифтом на песке буквы «СССР», другой говорил: «Viva Rusia!»

Каждый предлагал выпить вина из его фляжки.

Кто-то предложил поесть из его миски супу. Все это были различные формы выражения дружбы. Мы тоже делились с товарищами, чем могли. У них нехватало табаку, папирос. Раскрывая портсигар и прикуривая друг у друга, мы завязывали традиционный русский, бессловесный разговор. Мы инстинктивно следовали обычаям, принятым между солдатами на войне.

Можно утверждать, что, несмотря на ожесточение обеих сторон и зверства мятежников, гражданская война в Испании никогда бы не привела к фактическому истреблению городов, к чудовищным формам войны, рекордно жестокой, безжалостной (нехватает слов для характеристики этой войны!), если бы не германо-итальянская фашистская интервенция. Ибо германо-итальянская интервенция во много раз удлинила гражданскую войну в Испании. Испанский народ ликвидировал бы фашистский мятеж буквально в несколько дней, если бы не иноземная интервенция.

Немцы и итальянцы принесли в Испанию методы изощреннейшей, граничащей по жестокости с садизмом, войны. Иноземные завоеватели, интервенты, враги Испании и всего трудящегося человечества вместе с усовершенствованным оружием, с разрывными снарядами, танками, газами принесли с собой звериную ненависть.

Наши киноаппараты засняли многочисленные тому доказательства.

Военная неопытность особенно была характерна для республиканцев и стоила им в начале войны очень дорого. Это и не удивительно, если вспомнить, что народная милиция, партизанские и полупартизанские отряды лишь постепенно превращались в части регулярной армии испанского правительства. Не легко давалась республиканцам учеба, и многих жизней она потребовала.

Вскоре после нашего приезда в Испанию, раскрывая газеты, мы наталкивались на официальные сообщения, заранее извещавшие о предстоящем наступлении республиканцев, о прибытии подкреплений и т. д.

На фронт! (Барселона)

Бойцы в мадридском кафе

В Мадриде (забегаю немного вперед) мы одно время жили в гостинице, превращенной в штаб авиационных частей.

В вестибюле гостиницы на доске ежедневно мелом писали, куда какому летчику надлежит отправиться и какую операцию выполнить.

Впоследствии выяснилось, что столь широкая «популяризация» военных планов правительственных войск была организована изменниками.

Но прежде чем это стало известно, как дорого это обошлось республиканской Испании!..

3

«Обеденный перерыв» закончился появлением трех фашистских бомбовозов «Капрони». Крестобаль по каким-то, нам тогда еще не понятным признакам предсказал, что «Капрони» будут сбрасывать бомбы.

Так и случилось. Итальянские бомбардировщики громили порт, в который пришло несколько пароходов с продовольствием. Фашистские снаряды падали в воду. Были видны большие столбы воды, поднимающиеся кверху.

Внезапно началась пулеметная трескотня.

Мы перестали быть объектом внимания.

Обстановка для съемок была тогда для нас совсем непривычная. Снимать приходилось лежа на животе и на спине, с колен и согнувшись буквально в три погибели. Снимать, стоя во весь рост, было невозможно: над нами все время свистели пули.

Все в тот же день (когда вспоминаешь о нем, он кажется бесконечным) — второй день нашей работы в Испании — мы засняли обед бойцов, бой, окопы и спустились немного ниже — к республиканской артиллерии, состоявшей всего лишь из одного, но очень интересного орудия. Это была старая — она могла бы стать гордостью музея — пушка.

Калибр снарядов не совпадал с калибром оружия. Старая пушка подпрыгивала, качалась, но делала свое дело, и хотя снаряд пролетел не два километра, а всего лишь 500 метров, но большего от него и не требовалось. Работу этой пушки мы сняли.

В Сан-Марсиале мы снимали много, нам буквально все казалось представляющим огромный интерес, и все

непрерывно хотелось заснять. И вообще в Испании в огромном количестве материала, окружавшего нас, мы не скоро научились отбирать лишь самое важное.

В первые дни мы снимали чуть ли не по тысяче метров. И если бы все заснятое нами вошло в выпуски Союзкинохроники, то перестало бы хватать и в несколько раз увеличенных сеансов для их демонстрации.

Снимая, мы ни на минуту не забывали о последующем монтаже, старались помочь будущему монтажнику крупными планами, интересными деталями и т. п. Снимая в «четыре руки», мы порой мешали друг другу и прятались друг от друга, чтобы не попадать в объектив. В первое время мы с Карменом еще не совсем четко разграничивали между собой объекты работы. Снимали вместе и один за другим. Постепенно же мы так привыкли друг к другу и так сработались, что бывало трудно нас разделить.

Мы приехали в Сан-Себастьян — замечательно красивый курортный город на берегу Атлантического океана. Но необычность этого города нам показалась еще более разительной, чем предыдущих. Хотя это была прифронтальная полоса, но фронта словно не было поблизости. Воскресенье. Нарядный город, празднично одетые люди, красивые девушки (блондинки, что, между прочим, плохо вязалось с привычным представлением об испанках), весело. В кафе много посетителей, много людей на бульварах, женщины катают детей в колясках. Никакой войны не чувствуется. Мы отдали дань «лирике»: снимали блеск моря, деревья, цветы. Ведь все это было тоже Испанией. И снова повторяю, что, может быть, с этого следовало бы начинать спокойный рассказ об Испании.

Но вдруг послышался пронзительный вой сирены. Люди стали разбегаться. Женщины вынимали детей из колясок и прятались в дома с надписью «рефухио» (убежище). Мы с Карменом — одни на бульваре, гудит сирена, слышим возгласы и видим людей, которые машут руками, зовут нас к себе. Это потопленный впоследствии мятежный крейсер «Испания» стал бить по городу. Им было выпущено до 40 снарядов, которые, к счастью, в большинстве своем падали в море и особенных разрушений в городе не произвели.

Мы объезжали город, засняли развороченную мостовую, разбитые дома. Один снаряд попал в госпиталь...

Бомбардировка утихла. Мы хотели заснять крейсер, варварски разрушавший город, но из-за сильного тумана его не было видно. Когда мы спустились вниз, то на бульваре снова было много гуляющих, в кафе допивали остывший кофе... Все это было необычно для нас — фронт и в то же время не фронт...

Мы направились в центр города. Ряд зданий разрушен, мостовые сильно разворочены. Глубокие воронки, образовавшиеся на улицах, обцеплены республиканской милицией и для предотвращения уличных катастроф огорожены деревянными столбиками и пустыми будками. На улицах — толпы людей, взволнованно глядящих на глубокие ямы в мостовых и зияющие дыры в стенах домов.

Штаб обороны города. У входа мы сталкиваемся с группой девушек-санитарок.

— Возьмем их «под объектив», — предложил я Кармену.

Девушки, заметив направленные на них объективы киноаппаратов, смеясь, сообщили нам, что им совсем не впервой приходится сталкиваться с кинооператорами, что они... киноактрисы. В суровые для Испании дни эти девушки превратились в санитарок народной армии.

Мы вернулись в Париж, проявили там материал, проверили качество пленки и собственную работоспособность. Нас не удовлетворили первые результаты. Мы решили снимать ближе, входя во все детали.

4

По крутым перевалам горной дороги автомобиль плавно спускался в долину. Тишина. Проложенное через деревню шоссе на крутом повороте образовало небольшую площадь. Здесь — газолиновая станция. Рядом с колонной — одноэтажный домик. Из полуоткрытой двери домика пучок света узкой лентой ложится на дорогу. Шофер дает сигналы, гулко повторяемые эхом в горах. Оранжевая луна похожа на дольку апельсина. Кажется, что луна зацепилась за вершину скалы...

Из домика никто не выходит, и шофер, сердясь, открывает дверь в домик. На узкой деревянной кровати,

покрытой пестрым шерстяным ковриком, крепко спит человек. Голова его откинута далеко назад, одна нога свесилась с кровати и слегка касается пола. Из-под коврика торчат длинные сухие стебли дорожного камыша. Спящий — большого роста, еле умещается на почти детской кровати, изогнувшись вопросительным знаком. Человек этот, повидимому, очень устал. Лежать неудобно, он дышит ртом, содрогаясь всем телом от легкого храпа.

Но нам приходится его разбудить. Едва проснувшись, он вскакивает и хватается за винтовку, лежащую рядом с ним на постели. Мы торопливо называем себя, и он кладет винтовку опять на постель, кулаками протирает глаза, зеваает и, потянувшись, надевает берет. Потом подымает большой глиняный кувшин и, накренив, ловит ртом тонкую струйку воды.

Включенный у колонки фонарь залил ярким светом миниатюрную площадь. Где-то залаяла собака, и послышался свист. К колонке подошли два парня в клетчатых одеялах, вооруженные двуствольными охотничьими ружьями. Высокий белокурый парень улыбнулся и, поздоровавшись, почти извиняясь, попросил предъявить документы. Это была ночная стража.

Мы показали советские паспорта. Парни с уважением посмотрели на золотой герб Советского союза, не решаясь взять паспорт руками. Затем опять извинились за то, что причинили нам беспокойство. «Время, видите ли, тревожное, особенно ночью. Нас тут оставили, поручив охранять деревню».

Расплата за услуги и газолин производится талонами, на обороте которых указывается номер машины. Короткое «салют», и мы снова в узком ущельи горной дороги. За большим поворотом горы, казалось, стали уходить в землю. Открывалась большая долина, испещренная огоньками — окнами похожих на украинские хаты домов.

Горизонт постепенно менял оттенки. Небо становилось синим. На востоке вставало яркое солнце. Мы подъезжали к городу.

С нами были типичные для кинооператоров хроники аппараты «Аймо» с кассетами, вместимостью по 30 ме-

тров пленки, приспособленными к перезарядке на свету. По утрам мы жадно разворачивали газеты и месяца через три после приезда в Испанию научились понимать сообщения без переводчика. «Мундо обреро», «Френте рохо» (органы испанской компартии), «Эральдо де Мадрид» (республиканская левая) и другие газеты, без которых мы не смогли бы обойтись, — ориентировали нас в событиях, помогали отбирать незаснятый еще материал, выбирать объекты съемки, работать по сравнительно точному плану.

Более или менее регулярно приходили в Мадрид и наши родные советские газеты — «Правда», «Известия», иногда «Комсомольская правда», «Вечерняя Москва», газета «Кино». Хорошо с газетами было в Валенсии, — туда советские газеты приходили регулярно и лишь с незначительным опозданием.

Между прочим, иногда нам попадались советские газеты с вырезками наиболее значительных вещей. Мы узнали, что эти газеты побывали сначала в местных редакциях, вырезки из этих газет клишировались и печатались параллельно с передовой. Покупая местные газеты, мы находили в них недостающие части.

С газеты мы начинали свой трудовой день. События сами по себе увлекали, поглощали нас без остатка. Вставали мы рано и всегда торопились. Завтракали на ходу. Хотелось снимать и снимать. Киноаппарат давал нам возможность не оставаться нейтральными к событиям.

За восемь с половиной месяцев мы израсходовали больше 40 тысяч метров пленки. В особенности много мы снимали в первые дни. Преимущественно на машинах (но и на самолетах, и в поезде, и пешком) мы исколесили вдоль и поперек буквально всю свободную от фашистов Испанию. Снимали на панхроматическую пленку «Super-X» Кодака, чрезвычайно высокой свето- и цветочувствительности. Пользуясь этой пленкой, удавалось снимать даже вечером, в помещениях. На «Super-X», например, мы снимали сумерки в Сан-Себастьяне.

Проявлять пленку приходилось ездить в Париж. Это было утомительно, требовало непроизводительной траты времени и расходов.

С момента приезда в Мадрид мы перенесли туда и нашу лабораторную базу.

С самого начала нашей работы мы стали искать себе

Женщина-боец французского отряда интернациональной бригады

Республиканский боец

помощников, хотя бы немного знакомых с техникой кино съемки. Но найти не могли.

Своей национальной кинематографии Испания фактически не имеет. Испанский кинематограф находился в руках иностранцев, преимущественно американцев.

До эвакуации, до тяжелых дней Мадрида мы в столице Испании встречали кинооператоров — представителей американских и французских фирм. Мы с ними часто встречались в кафе и на улицах. Работали они чрезвычайно изолированно друг от друга, друг с другом конкурируя и стараясь проникнуть в «секреты» друг друга, не выдавая своих. Иногда они приходили к нам, чаще вечером перед сном, стараясь выведать и наши «секреты». Фирма «Мувитон-Ньюс» предложила нам обменивать экземпляры нашего материала на экземпляры материала, заснятого их корреспондентами. Нас это предложение не заинтересовало.

«Секретов» же у нас, собственно говоря, не было. Пользуюсь случаем обнародовать важнейшие из «секретов».

1. Мы являлись представителями великого Советского союза, народы которого с горячей симпатией следят за героической борьбой испанского народа. Это обеспечивало нам всюду дружеский прием, посильную помощь в нашей работе.

2. Мы хотели рассказать только правду о гражданской войне в Испании. Ради этого мы готовы были пожертвовать всем, даже жизнью. Поэтому мы старались находиться всегда в гуще событий, на наиболее трудных участках борьбы. Мы не покинули Мадрида, когда фашисты стояли на подступах к городу и когда, кроме нас с Карменом, в Мадриде не оставалось ни одного из находившихся в Испании операторов. Американские хроникеры, например, эвакуировались из Мадрида чуть ли не с первым эшелоном женщин и детей.

Нечего и говорить, что нас никогда бы не могла испугать перспектива пообедать — и даже ежедневно обедать — на ходу, работая. Американские же и французские наши коллеги привыкли, поработав, непременно обедать в комфортабельной обстановке ресторана, и события в Испании, повидимому, не казались им заслуживающими того, чтобы ради них менялись привычки «солидных людей».

Мы же уверены были в ином.

3. Но было и еще одно обстоятельство: своей работой мы помогали испанским газетам в информации о событиях. Один позитив смонтированного вчерне материала мы почти без сокращений передавали в распоряжение отдела агитации и пропаганды министерства просвещения (во главе этого отдела стоял коммунист).

Позитив немедленно размножался, озвучивался диктором и музыкой и иногда в тот же вечер демонстрировался в кинематографах. Наши съемки почти не сходили с экранов кинотеатров республиканской Испании и пользовались большим успехом.

За это мы получили право безвозмездно проявлять и печатать наш позитив в национализированной кинолаборатории в Мадриде. Лаборатория эта раньше принадлежала какой-то смешанной испано-американской кинокомпании и была оборудована по последнему слову техники.

Потом эта лаборатория была разрушена фашистскими бомбами, и наша база перешла в Валенсию.

Нужно ли говорить, как помогала нам возможность немедленно видеть результаты нашей работы? Впоследствии, когда этой возможности не стало, мы особенно резко ощутили ее отсутствие.

В последнее время мы стали посылать в Москву непроявленные материалы и с нетерпением ждали письменных «рецензий» о качестве нашей работы.

По распоряжению министра просвещения в нашу комнату в гостинице поставили монтажные столы. Дома мы работали над материалом.

4. И еще нам помогала группа испанских товарищей, выделенных Союзом молодежи, которых мы, как могли, обучали кинооператорскому мастерству.

Среди эвакуированного из Университетского городка имущества было несколько киноаппаратов (некоторые даже со звуковыми приставками), приготовленных для какой-то несостоявшейся в свое время киноэкспедиции в Африку.

Эти аппараты привезли в Валенсию и передали в распоряжение наших учеников и помощников. По случаю удалось приобрести и третий аппарат «Аймо».

Сотрудничество с нами группы молодых испанских товарищей было обоюдно полезно.

Вот и все наши «производственные секреты». Мы не считали себя стоящими «над» событиями, а варились в гуще событий, мы могли всегда с предельной четкостью сформулировать свои задачи — идейные и производственно-технические, — мы находились в подлинно дружественной нам стране, интересы которой были нам дороги, совпадали с нашими интересами.

Не трудно догадаться, что во всем этом — корни относительно плодотворной нашей, обыкновенной для советских кинооператоров, работы.

В Париже мы познакомились с Ильей Эренбургом. Он много раз еще до революции бывал в Испании, хорошо знает страну и широко известен в Испании. В популярности из советских людей в Испании он уступает разве только Кольцову. Эренбург помог нам ориентироваться в незнакомой стране, выбрать самые интересные участки работы. Основная трудность заключалась в незнании испанского языка. Надо было срочно достать переводчика. Эренбург уверял, что, зная французский язык, можно понимать испанцев.

Граница. Портбу. Пограничники. И опять горячие приветствия: «Viva Rusia!» Опять пытливые разговоры о советской стране, о советском народе.

В Барселону мы приехали ночью 29 августа. Этот город значительно отличался от нарядного Сан-Себастьяна. На улицах было много вооруженных людей, на домах чуть ли не на каждом шагу встречались портреты Ленина и Сталина рядом с портретами вождей Испанской республики, лозунги и плакаты, прямо на улицах — митинги. Приблизительно, должно быть, так выглядели и улицы наших городов в дни революции... Несмотря на поздний час, ночью на станции царило оживление. Здесь стояли эшелоны с вооруженными бойцами народной милиции, отправлявшиеся на арагонский фронт. Станция, вокзал и привокзальная площадь напоминали боевой лагерь. В воздухе — говор, песня, заглушаемая звуками военного оркестра, исполняющего республиканский гимн и марши. Чуть ли не на каждом углу — летучие митинги, агитаторы — добровольные популяризаторы газет — горячо говорили, спорили, вдохновлялись и вдохновляли темпераментных слушателей.

На площади возле вокзала мы искали, но не нашли носильщиков и такси: все носильщики ушли в ряды народной армии, а таксомоторы мобилизованы для нужд фронта. Пешком, навьюченные чемоданами, мы отправились в город. Улицы были погружены во мрак, в соответствии с законами военного времени.

Раннее солнечное утро. Нас разбудил шум, доносившийся с улицы. Мы вышли на балкон гостиницы. Вокруг кипела боевая жизнь. По широкому бульвару Рамблас двигались вооруженные отряды. Народные дружинники, приветствуемые гражданами Барселоны, пели боевые песни и отвечали на приветствия поднятыми вверх кулаками. Большую колонну дружинников возглавляли пять барабанщиков, шедших гуськом, и знаменосец, ритмично, в такт шага размахивавший шелковым знаменем Испанской республики. Мы шли с аппаратами и заносили на пленку бурную жизнь барселонских улиц.

Шла усиленная подготовка к войне. Улицы Барселоны были опоясаны баррикадами, стены, как оспой, были усеяны следами стрельбы, повреждены осколками снарядов. На тротуарах уличные торговцы продавали, а иногда и просто раздавали даром бойцам ставшие знаменитыми шапочки, ремни, кобуры, военные знаки. Население вооружилось чуть ли не поголовно. Мужчины и женщины в соломенных шляпах, беретах, одетые кто как попало, вооруженные чем попало — револьверами, старинными пистолетами, самодельными саблями — как не похожи они на чудесно выросшую, окрепшую, боееспособную народную армию сегодняшней республиканской Испании!

Больно подумать, что многих, может быть, большинства этих людей с котомками, в соломенных шляпах уже нет в живых. Кровью своей эти люди оросили испанскую землю, пожертвовали жизнью за свободу родины...

Мы видели и снимали похороны погибших товарищей. Траурный марш. За гробом бойцы несли венки из живых цветов. Люди на тротуарах грозно поднимали сжатые кулаки, отдавая последний салют бойцам республиканской армии, погибшим в борьбе с озверелым фашизмом.

Мы, не расставаясь с аппаратом, снимали. Мы мало слушали — больше смотрели. Снимали стены домов и

фонарные столбы, к которым прикреплены окаймленные траурными рамами и живыми цветами портреты героических антифашистских бойцов, погибших при столкновении с мятежниками 19 июля 1936 года на улицах Барселоны. Эти портреты-памятники воздвигнуты на том месте, где оборвался жизненный путь славных бойцов.

Исключительно интересными по материалу были съемки на промышленных предприятиях — заводах, фабриках, пошивочных мастерских, — в казармах, в барселонском порту, куда пришел для защиты города известный республиканский крейсер, испанский «броненосец Потемкин» — «Хаиме Примеро».

В казармах им. Карла Маркса мы снимали эпизоды отправки на фронт бойцов. Женщины с детьми приходили прощаться с бойцами. Они не плакали, — женщины приходили с цветами, заботливо чинили обмундирование мужьям и братьям, через час уходившим на фронт. Они бесконечно трогательны — стойкие, храбрые испанские женщины.

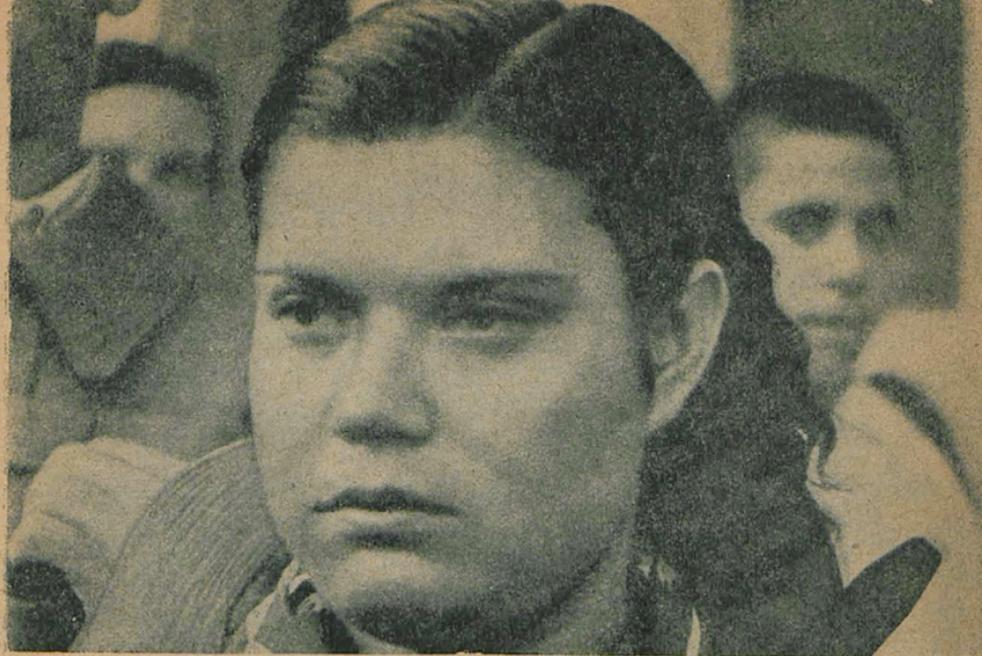
В боевом порядке, крепко держа шаг, уходили на фронт верные сыны испанского народа.

Мы снимали с Карменом, не решаясь разделить, покинуть друг друга даже на короткий срок. С аппаратами мы не расставались. По улицам мы ходили порой со скоростью черепахи. Нас интересовали газетные киоски, митинги на перекрестках улиц, плакаты, развороченные мостовые, повседневная жизнь людей — мы непрерывно снимали. Мы договорились без слов, — договоренность родилась сама собой, в процессе работы — что один снимает общие планы, другой укрупняет объекты. Мы научились работать вдвоем, спаренной бригадой.

31 августа. Воскресенье. Этот день в городах Испании посвящен корриде — бою быков. Начальник милиции специально зашел, чтобы пригласить и нас на корриду.

Большой круглый амфитеатр, вмещающий 15—20 тысяч зрителей, полон. Хорошая половина зрителей — бойцы, пришедшие перед уходом на фронт посмотреть на популярное зрелище.

Девушка-боец интернациональной бригады

Патруль народной милиции

Круглая арена посыпана желтым песком. У самой арены, перед ложами, низкий деревянный барьер. За ним — прислужники, обязанные приводить арену в порядок, убирать туши убитых быков и лошадей, убитых быками.

Зрители со страстным нетерпением ждут начала боя быков. Из центральной арки на арену выходят участники корриды. Красивую колонну возглавляют шесть человек. На них — красочные одежды, банты и кружева. С плеч свешиваются красные плащи. Эти шесть человек должны дразнить выпущенных на арену быков, доводить их до бешенства.

За ними — три бандерильерос. У них — маленькие острые зазубренные стальные стрелы. Эти стрелы, обвитые пестрыми ленточками и бантами, должны быть воткнуты в шею разъяренного быка. Вслед за бандерильерос появляются на лошадях пикадоры. Животы лошадей защищены толстым слоем войлока, на ногах пикадоров — металлические краги.

Мы с Карменом работали на арене, едва успевая перезаряжать аппараты. Работая, мы непрерывно уклонялись от гнева быков. Торeadоры, прощаясь с уходившими на фронт бойцами, демонстрировали чудеса отваги и ловкости. Торero одним ударом поражает быка. Бойцы приветствуют торero поднятыми вверх руками. В ответ на бурные приветствия зрителей торeadор грациозным взмахом кинжала срезает у убитого быка ухо и кончик хвоста и преподносит эти трофеи приглянувшейся девушке.

После боя быков раздались звуки фанфар — на арену вышли вооруженные зрители. Построившись в длинную колонну и сделав несколько кругов по арене, они направились к главному выходу. Оставшиеся, стоя, приветствовали уходивших на фронт. Вслед уходящим неслись возгласы, шумные аплодисменты, им бросали цветы...

Бой быков — кусочек испанской седой старины. Трудно «рецензировать» это зрелище людям, к нему не привыкшим. Вместе с жестокостью оно сочетает какую-то своеобразную красоту. На зрителей оно действует, как вино. С непривычки же чувствуешь себя на месте быка.

Вообще в Испании старинная культура как-то причудливо переплетается с цивилизацией. Порой на фоне деревьев, похожих на иллюстрации к «Дон Кихоту Ламанчскому», газолиновые колонки выглядят нелепым пятном, а автомобили наряду со старинными замками выглядят еще несуразнее. Но к этому привыкаешь.

В Барселоне, прежде чем отправиться дальше, мы познакомились с несколькими руководителями фронтовых участков, приобрели машину и наметили план дальнейшей работы. Одевались так, как одевалось большинство испанцев. Загорев, мы стали совсем походить на испанцев. К тому же беседы с помощью переводчика обогащали наш испанский словарный запас.

Ближе всего к Барселоне был арагонский фронт.

1 сентября мы отправились на фронт в район Саргосы.

5

Вся Испания — на войне. Линия фронта, окопы — это лишь линия наиболее очевидной борьбы. Но «воюют» и всюду в тылу. В деревнях почти не осталось взрослых здоровых мужчин. Мальчики, не дожидаясь срока, убегают на фронт и дерутся вместе с отцами. Женщины (многие из них наравне с мужчинами дерутся на фронте, другие несут сторожевую службу) работают в лазаретах, в пошивочных пунктах шьют одежду бойцам. Горе словно сделало моложе даже самых немолодых из них. Сколько страсти, отваги, молодости в каждой из этих героических женщин!

Монастыри и школы на время войны превратились в лазареты и склады боеприпасов. Каждая деревня, даже самая небольшая, создала свои комитеты, помогающие обороне, посылающие на фронт урожай и т. д. Никогда так интенсивно не обрабатывалась земля, как теперь она обрабатывается руками женщин, стариков и детей.

Вся страна защищается!

На пути из Барселоны на фронт небольшой городок Барбастро привлекал возможностью остановиться отдохнуть в тени. Городок напоминает большие кишлаки у нас в Средней Азии, где в жаркие летние дни не остановиться так трудно.

Возле самого Барбастро нашу машину остановили и стали строго допрашивать, кто мы, откуда едем

и куда направляемся. Мы ответили и предъявили документы.

— А... — сказали нам. — Вы проехали половину пути, и вам бы следовало пообедать...

И хозяин ресторана, встретивший нас, учтиво пригласил нас в столовую, собственноручно накрыл стол, подал обед, вино и сам нам прислуживал. А потом отказался от платы.

— Продукты мы получаем бесплатно с тем, чтобы бесплатно кормить проезжающих. Это наша обязанность.

После обеда он уговорил нас выпить кофе с ликером. Гостеприимство — одна из самых ярких черт испанского характера.

И еще одна характерная черта. Нигде, даже в полуразрушенных селениях, даже там, где угощают бойцов простым куском хлеба, вас не пригласят к столу, не покрытому чистой скатертью. На столе — всегда приборы, палочки-зубочистки, масло, пряности.

А в другой большой деревне на пути в Сарагосу, на площади, у бочонка, стояла женщина в белом фартуке и предлагала проезжающим бесплатно отведать вина. Она была рада, если не отказывались от угощенья.

Врачи лечили бойцов бесплатно.

Все это только в первый момент казалось странным. Вскоре мы поняли, что в этом, в частности, и заключается **поголовное** участие народа в войне, и быстро к этому привыкли.

Вся Испания воюет, и можно ли удивляться тому, что в короткий срок не привычные к войне люди создали боеспособную армию.

Я для контраста так подробно рассказываю о первых днях нашей работы в Испании. Теперь в распоряжении республиканской Испании имеется мощное вооружение — самолеты, танки, дальнобойная артиллерия, — наличие части которого республиканцы, между прочим, обязаны... интервентам. Под одной Гвадалахарой республиканцы отбили у фашистов огромное количество вооружения германо-итальянского происхождения.

Рабочий класс Испании в короткий срок сделал **чудо**, превратив всю испанскую промышленность, не приспособленную к войне, в колоссальный резервуар

вооружения народной армии. В тяжелые для Испании дни рабочие работают героически, как раньше никогда не работали. Мы, как могли, старались показать их работу, их героизм, не отделимый от героизма вооруженных бойцов.

Но тогда, в начале войны, еще в августе-сентябре 1936 года республиканские самолеты напоминали старинные пистолеты. На Сариньянском аэродроме мы долго думали, что находимся на своеобразном «кладбище» самолетов спортивного типа. Оказалось, что это не так и что на этих машинах республиканские летчики демонстрировали чудеса храбрости, уничтожая в воздухе тяжелые германо-итальянские бомбовозы. Бомбы клались летчику прямо в кабину. Когда летчик находил удобным, он сбрасывал их руками, а не автоматически, как на самолетах современной конструкции.

Недалеко от Уэски нам удалось заснять блиндированный поезд, который смастерили крестьяне. Он состоял из одного паровоза и платформы, обложенной мешками. На этой платформе стояла маленькая пушка. Пушка обкладывалась мешками с песком, чтобы при стрельбе не соскочила на землю. Тем не менее, она неплохо работала.

Нам хотелось поскорее попасть в Мадрид. Мадридский участок борьбы вскоре стал и надолго остался центром нашего внимания.

6

В Мадрид мы приехали поздно ночью. Было темно: чтобы обезопасить себя от налетов фашистской авиации, город спал в темноте. Днем же в городе былолюдно и шумно, ходили трамваи, работал метро, были открыты все магазины, и только фашистские самолеты нарушали нормальное течение жизни, сея смерть и нищету в рабочих кварталах.

В сентябре фронт был еще далеко.

Мадрид — один из самых замечательных городов в мире, но мы не стремились этого показать, ибо задачи перед нами были иные. И даже сейчас я удержусь от соблазна рассказать о том, как хороша столица Испании, — это отвлекло бы повествование в сторону.

Мои первые записи — «стенограммы» мадридских фронтовых впечатлений.

Утро. Полированный асфальт дороги. Автомобили движутся прямо навстречу искоса падающим лучам солнца. Ветерок шуршит зелеными еще, но уже полусухими осенними листьями. По канавам с двух сторон от дороги идет бесконечная вереница людей. За спиной у каждого — ранцы, скатанные одеяла или зеленые, без рукавов плащи, винтовки на ремнях, широкие, с множеством наполненных патронами карманов пояса. Иногда эта людская вереница, извиваясь, обходит окопы или проволочные заграждения...

И люди и машины движутся в одну сторону — сторону фронта...

Небольшая деревня. Проверяют наши документы. Короткое слово: «салют». У слова этого — много значений. «Салют» говорят, здороваясь. «Салют» говорят, прощаясь. В данном случае с помощью того же «салют» нам сказали: «Все в порядке, можете ехать дальше».

И вдруг, откинув всякую официальность, крепко пожали нам руки.

Едем быстро. Обгоняем грузовики с вооруженными людьми и амуницией. Остановились у края дороги, впереди — густая масса машин и мотоциклов. Некоторые из них замаскированы ветвями деревьев. Издали доносятся выстрелы, пулеметная трескотня, и видны клубы дыма. В двух километрах отсюда идет бой, — артиллерия стреляет через головы наступающих частей.

Вереницы людей, шедших с винтовками наперевес по краям дороги, выходят шеренгами в поле и, ускоряя шаги, наступают. Несколько рядов продвигаются вперед лежа. Во главе первой шеренги — человек с палочкой в правой руке. Этой палочкой он, как дирижер, издали отдает приказания. Отстающих он подбадривает свистом, каким управляет судья на футбольном поле. Сразу видно спортсмена...

В Мадриде плакаты (с изображением физкультурника в трусах, майке и с винтовкой в руках) призывают спортсменов, в особенности футболистов, отправляться на фронт. Повидимому, футболисты — народ особенно

Коммунисты-командиры республиканской армии

*В парке Каса дель-Кампо. Родители навещают бойцов
на передовых позициях*

выносливый, и к ним поэтому особенно горячо обращаются плакаты.

Битва в полном разгаре. В канонаде артиллерийских орудий и треске пулеметной стрельбы слышатся пронзительные крики сирен санитарных автомашин. Машины с надписью «Медико» работают непрерывно.

Мы остановились на командном пункте и через каждые одну-две минуты меняли кассеты.

...В тени деревьев стоит грузовик-цистерна со свежей водой. Бойцы, торопясь, наполняют фляги и бегом отправляются к линии боя. Очень жарко. Воду надо беречь. Короткий металлический стук, — пуля врага пробила корпус цистерны. Люди прижались флягами к вновь образовавшейся струйке воды.

Мимо пролетел мотоцикл. Шофер, раненный в шею, прижал к ране кожаную перчатку и едет, управляя одной рукой. Он подъехал к санитарному пункту. Не прошло и десяти минут, как он вышел оттуда перевязанный и повернул мотоцикл обратно на фронт.

Всякий, кто был в эти дни в Испании, поражался самоотверженности рядовых бойцов за республику, в особенности рабочих — горняков из Астурии.

Мне вспоминается шофер, развозивший продукты. Ему ежедневно приходилось совершать рейс под обстрелом. И он ездил спокойно, просто выполнял свое будничное дело, каждый день, каждый час рискуя жизнью.

Один мотоциклист работал при штабе. Однажды он получил приказ выехать в район действия танков на место боя и передать командиру танка письменное приказание. Мотоциклист промчался по полю сражения, поровнялся с танком, передал записку и вернулся обратно.

Дети, распространяющие газеты, проявляют порой чудеса героизма. Маленькие пионеры проникают с газетами на передовые позиции, в окопы к республиканским бойцам.

Прямо над дорогой — фашистские самолеты. Несколько поодаль от нас земля вздувалась, поднималась вверх широким столбом, выбрасывала клубы черного дыма.

Враг прилагал все усилия, чтобы приостановить наступление республиканских бойцов. Полк наступал.

Вперед шли шеренги бойцов. Самолеты кружились над фронтом. Некоторые из них в пламени стремительно падали вниз. Машины на дороге отъезжали друг от друга подальше, чтобы уменьшить собственную уязвимость.

Бой затихал. Солнце уступало место луне. Из Мадрида по обеим сторонам дороги шли подкрепления—бесконечная вереница людей.

Я уже рассказывал, что в Мадриде мы обосновались и в производственном отношении. В Мадриде мы проявляли материал, печатали первый позитив и вчерне монтировали. Поселились в огромной гостинице «Капитоль».

В Мадриде нам довелось познакомиться с замечательными людьми. В особенности запомнилась встреча с Долорес Ибаррури (Пасионарией). Образ этой женщины, всегда бодрой, улыбающейся и мужественной, навсегда останется в нашей памяти. В первый раз Долорес Ибаррури мы увидели на лестнице в Центральном комитете компартии. Возле нее стояло много людей. Каждый хотел с ней поговорить или хотя бы поздороваться.

Наша переводчица представила нас Пасионарии. Мы познакомилась с самой популярной в Испании женщиной. Ибаррури приветливо поздоровалась с нами и пригласила к себе в кабинет. За полчаса мы о многом поговорили с Долорес Ибаррури и уговорили ее позволить заснять себя. При нас в кабинет Ибаррури принесли мешок с зажигалками, предназначенными к раздаче бойцам. Долорес подарила по зажигалке мне и Кармену.

Мы отняли у Долорес Ибаррури только полчаса времени и все-таки почувствовали себя виноватыми. Мы знали, как много работает Долорес Ибаррури. Она и живет в помещении Центрального комитета компартии.

Потом мы не раз еще встречались с Пасионарией.

В дни, когда враг подходил к воротам Мадрида, мы встречались с ней и Хозе Диасом возле города. Вооруженные лопатами, товарищи эти рыли окопы. 8 марта, в Международный день работницы, мы с Карменом в

Валенсии купили большой букет весенних цветов и послали цветы Долорес. Эти цветы она получила на конференции компартии. Наш скромный подарок превратился в демонстрацию дружбы.

В день первой встречи с Долорес Ибаррури мы познакомились и с секретарем Центрального комитета коммунистической партии Испании товарищем Хозе Диасом. Нас познакомила Пасионария, и встреча наша с Хозе Диасом была столь же радушной.

Кабинет Хозе Диаса представлял собой большую комнату. Работали машинистки. В углу кто-то спал, не расставаясь с винтовкой, приносили агитационную литературу, плакаты. Обстановка напоминала знакомую по описаниям обстановку в комнатах Смольного института в дни Октябрьской революции. И не только это — многое в Испании, в особенности в Мадриде, напоминало нам смутно запомнившиеся дни гражданской войны. Казалось, что кабинет Хозе Диаса — неотделимая частица фронта. Хозе Диас в день нашей встречи был нездоров. И все-таки он много работал, в тот же день выступал и уехал на фронт.

Хочется повторить — это все теперь знают, — что коммунистическая партия Испании — инициатор народного фронта, антифашистской борьбы, подлинный вождь и вдохновитель народной армии, одной из самых боеспособных и храбрых в мире. Компартия в Испании — это сконцентрированный героизм испанского народа.

Долорес Ибаррури Пасионария и Хозе Диас! Две таких встречи в один день! Неудивительно, что такой день никогда не исчезнет из памяти...

Почти ежедневно над Мадридом появлялись фашистские самолеты, сеявшие бомбами смерть и разрушение, убивавшие мирных жителей, женщин, детей, стариков. Строго говоря, Мадрид задолго еще до того, как мятежники к городу подошли вплотную, стал самым подлинным фронтом.

Бывало так: самолеты разбрасывали листовки, угрожавшие жителям содействовать сдаче города фашистам, а крошечными буквами на тех же листовках было допечатано: «Не верьте фашистам! Эти листовки нас насильно заставляют печатать... Защищайте Мадрид!..» Иногда снаряды были начинены

листовками: «Мадридцы! Держитесь, мы с вами и придем вам на помощь!..»

Бывали и такие случаи, когда артиллерийские снаряды не разрывались, так как немецкие рабочие, изготовлявшие их, не вкладывали разрывных капсюлей. Это проявление братской солидарности придавало силы бойцам.

В Мадриде находились враги — так называемая «Пятая колонна» генерала Франко, та самая, которой надлежало организовать «торжественную встречу» мятежников. Фашисты прятались, в частности, прятались в зданиях некоторых дипломатических миссий. По ночам светом карманных фонарей они корректировали стрельбу фашистских самолетов, бросали ручные гранаты. Казалось, что по ночам город переходил в руки «таинственных» сил. Были случаи, — когда к зданию нашей, превращенной в госпиталь гостиницы «Палас» (в нее мы переехали из «Капитоля») подъезжали машины с ранеными, неожиданно открывалась стрельба.

Лишь постепенно Мадрид стал очищаться от «Пятой колонны», и «таинственные» силы стали исчезать.

Мадрид — сокровищница искусств. Музеи Мадрида, в особенности Прадо, всемирно известны. Первый же налет самолетов на Мадрид нанес Прадо непоправимый ущерб. Бомбы фашистов разрушили замечательно красивый дворец герцога Альбы и много других исторических зданий.

По инициативе компартии были созданы мастерские по упаковке картин. Бойцы-коммунисты спасали сокровища Прадо.

В мастерские приходили старики, музейные работники, и помогали бойцам упаковывать произведения Веласкеса, Греко, Гойи... Теперь эти картины хранятся в башне Серрано в Валенсии.

Мы снимали груды развалин — результат фашистских налетов. Мы были свидетелями того, как разрушалась прекрасная столица Испании. И мы верили в то, что результат нашей работы — кинодокументы — станет обвинительным актом против фашизма.

Мы работали почти непрерывно на фронте, возвращаясь лишь для того, чтобы обработать и отослать материал в Москву. Наговорившись под гул канонады

и треск пулеметов, по вечерам мы могли разговаривать только вполголоса — горло болело от крика. Мы боялись прилечь на постель раньше, чем закончим работу. Ибо прилечь на минуту это значило бы мгновенно заснуть, потерять сознание — как хотите, так и называйте. Смертельно усталые, мы не тратили времени на то, чтобы раздеться.

Однажды мы пошли с первой шеренгой выступающих на фронт. Готовясь к съемке очень интересных событий, мы шли вместе с бойцами и не заметили, как из третьей линии попали в первую. В момент, когда цепь перешла в наступление, начался ураганный пулеметный огонь. Мы подчинялись приказаниям: ложились, вставали, шли весте с бойцами вперед. В этот день мы хорошо поснимали...

Приезжим людям казалось непонятным наше относительное спокойствие во время стрельбы. Но не мы одни привыкали.

Нам с Карменом часто приходилось расставаться, порой на несколько дней. Интересных участков работы было так много, что и впятером было бы трудно управиться. Разлучаясь, мы скучали друг по другу и беспокоились. Работа очень нас сдружила.

...Однажды, возвращаясь с участка нашей территории, мы шли по дороге, находившейся под огнем. Вечерело. Мы, лежа, сползли в канаву, тянущуюся параллельно дороге справа и слева, Кармен — в одну сторону, я — в другую... Мы ползли на четвереньках с аппаратами, стараясь плотнее прижиматься к земле. Друг друга мы не видели. А что, если другого в живых уже нет!

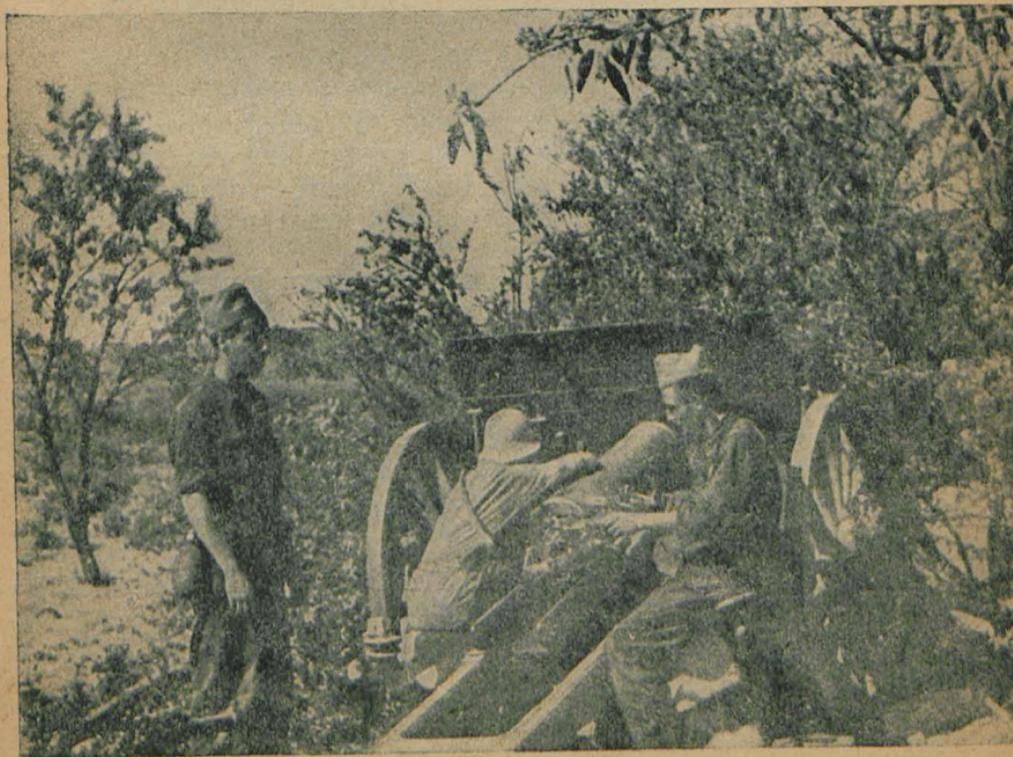
Я звал Кармена по имени и с замиранием сердца прислушивался. Кармен отвечал — значит, жив. Мы ползли — Кармен звал меня по имени. Перекликаясь время от времени, мы проползли около двух километров. Из-за треска пулеметов иногда я не мог услышать голоса моего товарища. Я тогда останавливался и кричал как можно громче. Казалось, что Кармен находится где-то далеко-далеко, так трудно порой бывало слышать друг друга...

Вернувшись из этого путешествия на базу, в полевой штаб, мы быстро пришли в себя и отправились в тыл. Тыл — это Мадрид, но он уже перестал быть тылом,

На сарагосском фронте

На сарагосском фронте

так как днем и ночью над ним реют фашистские самолеты, а в Университетском городке засели враги. Когда мы приехали домой, за окнами шла стрельба, на улицах рвались бомбы...

7

В это время, вскоре после нашего первого приезда в Мадрид, произошла еще одна встреча, о которой хочется рассказать. Это встреча с т. Михаилом Кольцовым. Кольцов к нам был очень внимателен и постоянно помогал. Часто мы ездили вместе на съемки.

Тов. Кольцов — один из самых популярных советских людей в Испании. Всегда в комбинезоне, с биноклем на шнурке, в берете и с блокнотом в руках, — его всюду знали в лицо. Он прекрасно говорит по-испански. Его популярность велика потому, что все знают, что своей информацией он укрепляет дружбу советских народов с испанским.

Кольцов очень много работает. Трудно было догадаться, когда спит Кольцов. Когда ни войдешь к нему — стучит машинка. С Москвой он поддерживал почти непрерывную связь и узнавал новости о жизни Советского союза, которыми делился и с нами. Свои корреспонденции прямо из номера гостиницы он передавал в Москву.

Передача сообщений в Москву была для Кольцова не простым техническим процессом. Кольцов — глубоко эмоциональный журналист. У телефонного аппарата он зажигается содержанием только что написанных или продиктованных им строк. Тем более, что и содержание его корреспонденций чаще всего эмоционально, даже лирично.

Михаил Кольцов — какая чудесная тема для рассказа о жизни и творчестве большевика-журналиста! Я когда-нибудь вернусь еще к этой теме.

Трудно оставаться пассивным. В воздухе — фашистские самолеты... Люди в панике бросаются в укрепленные здания. Мы снимаем бегущих людей и показываем им дорогу в убежища, помогаем переносить детей... Задыхаясь от горя и ярости, мы снимаем убитых — женщин, детей, стариков...

Однажды с гвадаррамского фронта Кольцов вернулся в комбинезоне, испачканном кровью. Он и Кармен помогли переносить раненых.

Вся Испания воюет. В Испании нет равнодушно относящихся к событиям людей. И мы ими не были — киноаппарат делал нас активными участниками борьбы за свободу. Самый популярный в Испании лозунг: «No pasaran!» — «Они не пройдут!» Это слова Пасионарии. Эти слова повторяют теперь трудящиеся всего мира..

Старые шарманщики на повозках, запряженных ослами, подъезжая к кафе, останавливались и играли боевые, революционные песни. По звукам шарманки в Испании можно догадаться, что наступило время обеда. Теперь шарманки играют «Интернационал», а люди встают, поднимают вверх сжатые кулаки и поют.

В Мадриде демонстрировался советский фильм «Мы из Кронштадта». Задолго до демонстрации фильма город был увешан плакатами: «Мы из Кронштадта» — советский звуковой фильм». Возле кинотеатра «Капитоль», фасад которого был украшен гигантскими портретами участников фильма, задолго до начала премьеры стояла большая толпа желающих увидеть картину.

На премьере присутствовало все правительство Испанской республики и очень много военных. Фильм имел колоссальный успех и в течение двух с половиной месяцев не сходил с экрана осажденного города.

Кинотеатр помещался в здании гостиницы, в которой мы жили. Несколько раз мы заходили, чтобы посмотреть на то, как воспринимают картину зрители.

Среди них попадалось все больше и больше людей, пришедших прямо с фронта, с винтовкой — посмотреть картину и потом снова уходивших на фронт. Многие, переживая эту картину, буквально забывали о реальности. Я помню случай: в тот момент, когда на экране матрос должен был упасть в море, один из сидевших в зале начал стрелять в белых на экране. Один семнадцатилетний мальчик, посмотрев картину несколько раз, попал на фронт и сделал исключительное дело — он был гранатометчиком, уничтожившим три танка фашистов. Картина принесла громадную пользу и была всем близка и понятна, несмотря на то, что ее не успели во-время озвучить и в нее были лишь вставлены титры на испанском языке.

В эти дни всюду, куда ни взглянешь, на улицах висели плакаты: «Мадрид — это Петроград! Защищайте Мадрид, как защищали русские рабочие революционный Петроград!..»

Однажды, после демонстрации фильма «Подруги», три очень молоденькие девушки, совсем еще девочки, пришли в одну из мадридских организаций и попросили принять их в какой-нибудь отряд для работы в лазарете. Им сказали, что они еще малы, что надо подрасти немного; но они так настойчиво просили, что их, наконец, приняли и дали работу, которую они могли выполнять по возрасту.

Часто демонстрация советской картины оканчивалась «Интернационалом», который зрители исполняли стоя.

8

Когда прибыл в Барселону первый советский пароход с продуктами, я хотел заснять его прибытие и для этого должен был немедленно выехать в Барселону. Не было ни самолетов, ни поездов, сообщение было очень трудное. Станция Аранхуэс была под обстрелом, и поезда до Мадрида не ходили. На машине я бы не успел приехать во-время. Пришлось обратиться к помощи самолета.

К тому же в моем распоряжении не было в этот момент переводчика. На аэродроме меня с трудом поняли. После бомбежки все машины были искалечены, и на аэродроме был единственный уцелевший самолет «Дуглас». Летчиком был француз, когда-то изучавший чешский язык и выговаривавший слова, похожие на русские. После больших усилий мы с ним договорились.

Лететь предстояло прямо через вражескую территорию. Самолеты все, в том числе и наш, были переделаны на военный лад. На полу кабины стояли ящики с патронами. К окнам были привинчены пулеметы. Когда летчик спросил, умею ли я стрелять, я ответил, что, в случае необходимости обороняться сумею. К счастью, рейс окончился благополучно.

Я приехал в Барселону за день до прихода «Зырянина». Встреча была необыкновенно радостной и тор-

жественной. В городе по случаю прихода советского парохода был большой праздник. наших моряков на руках несли по улицам и, когда посадили на автомобиль, их не было видно из-за цветов, которыми забросали машины.

Приход «Зырянина» был демонстрацией дружбы Испанской республики с Советским союзом. В Испании мы ни разу не почувствовали себя на чужбине. нас связывала с этой страной горячая любовь народа к нашей великой родине, ставшей другом свободной Испании в самый трудный для последней момент.

Непрерывности ощущения связи помогал и телефон. Своими «телефонными связями» помогал нам Михаил Кольцов, ежедневно получавший по телефону новости из Москвы. Я лично часто разговаривал с фабрикой Союзкинохроники и со своими родными.

Помню первый разговор по телефону с матерью. Поздно ночью она подошла к нашему домашнему телефону, а я находился в Мадриде. Непривычная к телефонным разговорам, моя мать подошла к аппарату и взволнованная всхлипывала и говорила одни и те же слова:

— Мой милый, родной, дорогой!.. Милый, дорогой, мой сынок!..

И вдруг повесила трубку, не в силах справиться с охватившим ее волнением...

Потом она привыкла. В дни, когда женщины советской страны собирали средства для посылки продовольственной помощи женщинам и детям Испании, моя мать по телефону сказала мне, что и она внесла свою лепту.

Снова повторяю, что в Испании мы не чувствовали себя на чужбине. Великодушная помощь трудящихся моей великой родины голодавшим женщинам и детям Испании наполняла наши сердца гордостью. И всюду в Испании мы, советские граждане, чувствовали в отношении к себе благодарность народа.

Деревня Бенисано, недалеко от Валенсии, славится особенными апельсинами, оливками и луком. В центре деревни — крепость-замок, построенный в XV веке, в котором некогда сидел в заключении французский ко-

роль Франциск I. Издавна эта крепость привлекала туристов.

В деревне — праздник. Мужчины и женщины, разодетые, прохаживаются вдоль дороги. Девушки украшают старинный дворец революционными лозунгами. Женщины готовят обед. В парке замка — генеральная уборка. На самой высокой башне крепости — два флага: красный, с изображением серпа и молота, и флаг Испанской республики. Четыре мальчика — дозорные — вглядываются с башни в даль.

Декабрь. Безоблачный жаркий день. Ожидание всех утомило... Вдруг с башни замка раздались звуки пионерской трубы. Раньше всех встрепенулся оркестр, заигравший республиканский гимн. Крестьяне шпалерами стали по обеим сторонам дороги.

Из-за густой апельсиновой рощи, за которой дорога делает поворот направо, показались автомобили. За ними шел небольшой автобус. На автомобилях и в автобусе приехали в Бенисано 60 детей, эвакуированных из Мадрида. Их-то и встречали празднично разодетые жители.

Впереди колонны мадридских детей стали со знаменами местные школьники. Демонстрация двинулась по направлению к замку. Непрерывно играл оркестр. На площади перед воротами замка процессия остановилась. В середину круга поставили стол. Алькальде (мэр деревни) открыл торжественный митинг.

Первым взобрался на стол Хозе Родриго — ученик деревенской школы. Его речь была трогательной и не по-детски серьезной. Он передал привет своим маленьким братьям, родители которых убиты наемными фашистскими бандами, сказал, что и его отец — на войне, защищает свободу. От имени школьников он сказал, что мадридские ребята найдут в деревне свой новый дом, семью, своих братьев и сестер...

Взрослые и дети слушали речь черноголового мальчика. Женщины прижимались друг к другу и плакали. И мужчины беретами прикрывали лица. Секретарь местной партийной организации напомнил собравшимся о тяжелой и героической борьбе Советской России, прогнавшей интервентов и белых... «На одной шестой мира, — сказал этот товарищ, — выросла социалистическая страна, народы которой в трудный момент про-

На северном фронте

Пленные итальянские солдаты, выразившие желание вернуться на передовые позиции, в рядах республиканских войск

тянули испанскому народу братскую руку». Он закончил речь словами приветия и благодарности советским женщинам, трудящимся братского Советского союза, мудрому вождю трудящихся товарищу Сталину.

Митинг закончился пением «Интернационала». Под звуки марша в исторический замок Састаго вошли новые молодые хозяева...

Эти места — самые плодородные в Испании. Валенсийские поля прекрасно обработаны руками немногих оставшихся в деревнях жителей. Тарелка валенсийского риса и апельсин на фронте нужны, как оружие, ибо поддерживают силы бойцов.

...Враг подкатился к воротам Мадрида. Правительство республиканской Испании, повинувшись требованиям военно-политической необходимости, временно переехало в Валенсию. Этот большой (третий по величине в Испании) прекрасный город раскрыл свои дворцы и отели тем, кто руководит защитой свободной Испании.

Во время разгрома интервентов под Бриуэгой республиканцы взяли в плен много итальянских солдат. Я видел обезоруженных людей; только что приведенных с фронта. Офицер республиканской армии выступил перед ними с речью на итальянском языке. Он спрашивал у них, знают ли они, на кого подняли оружие, знают ли, кого защищают. Итальянцы стояли, понуриив головы. Офицер призывал пленных стать в ряды против фашизма.

Когда офицер все сказал, несколько пленных бросилось к нему, стараясь поцеловать его руку. Их с трудом оторвали от него. Они просили вернуть их на фронт в качестве бойцов республиканской армии.

Волны народного гнева и презрения к фашистским пиратам прокатились по стране, когда испанцы узнали о гибели советского теплохода «Комсомол». Казалось, в испанском языке нехватает слов, чтобы заклеить фашистских извергов. Немедленно начался сбор средств на постройку нового «Комсомола». Помню, как на мадридской площади Пуэрта дель Соль, окруженной почерневшими стенами разрушенных зданий, часто появлялся автомобиль по сбору средств с надписью

«Pro Komsomol!» («За Комсомол!»). И монеты дождем сыпались в кружки для пожертвований.

Или по улицам шел барабанщик в сопровождении трубача, за ними — лозунги и макет нашего погибшего корабля, и четыре человека за углы несут развернутый флаг республиканской Испании. На полотнище флага прохожие бросают пожертвования, и флаг постепенно становится трудно нести.

Испанские моряки вместе со всеми трудящимися Испании героически сражаются с врагами народа и человечества — фашистскими интервентами. Многие из моряков лишены возможности плавать — пиратская «деятельность» фашистов создает труднейшие условия для работы торгового флота. Тогда моряки сходят на берег, становятся в ряды сухопутных войск. Помню, в сентябре прошлого года на арагонском фронте, в грохоте орудийной пальбы мы встретили среди республиканских бойцов человека огромного роста в морской шапочке, которую он никогда не снимал. Моряк обладал колоссальной физической силой: он один устанавливал свое орудие на место после выстрела, в то время как у соседнего орудия работали три бойца. При этом он не уставал отпускать шуточки и звонко смеялся, показывая ровные белые зубы. Мы не успели поговорить с героем, обменялись с ним только приветствиями, и надо было слышать, каким зычным голосом, покрывшим на мгновение шум перестрелки, крикнул он свое «Viva Rusia!»

Грузчики Картахены под непрерывной бомбежкой фашистских самолетов вынуждены были прекратить работу в порту. Но они нашли себе новую работу. Во время непрекращавшихся воздушных налетов жители старались укрыться, но подъезды домов и даже погребов перестали уже служить безопасным убежищем. Женщины и дети становились жертвами фашистских хищников. Грузчики Картахены решили помочь населению.

В порту были сложены груды больших камней, предназначенных для строительства набережной. Грузчики стали складывать из этих камней нечто вроде бетонированных коридоров. В них при первой же бомбардировке укрылось немалое число жителей города. Муниципалитет Картахены одобрил изобретательность

грузчиков. Началось строительство более фундаментальных коридоров, выросли настоящие убежища (refugi) которые, в случае высадки вражеского десанта, могли служить и надежными укреплениями. Часть жителей переселилась в горные пещеры неподалеку от города.

В скором времени опыт Картахены был использован и другими городами, а картахенские грузчики стали теперь выезжать на места как специалисты и инструкторы строительства убежищ.

Мы непрерывно снимали. Весь мир увидел смерть и нищету, посеянные врагами народов на испанской земле. У входа в убежища нас встречали женщины, оборванные, с глазами, уставшими плакать.

Когда началась бомбардировка Картахены и фашистские самолеты кружились над городом, чудовищно разрушая беззащитные мирные здания, в порту разгружался испанский торговый пароход. Несмотря на огромную опасность, моряки не прекратили разгрузки. Вокруг рвались снаряды, но судно стояло у причала, и работа продолжалась. Никаких признаков паники мы не заметили на этом судне. Наконец, морякам предложили прекратить разгрузку и войти в убежище. Но капитан наотрез отказался покинуть свой пост. Многие матросы остались с ним, хотя портовые краны были уже повреждены разрывами снарядов. Разгрузка продолжалась вручную.

Примеров замечательного героизма можно привести немало. Нужно отметить и другое: с каждым днем республиканская армия становится все более организованной и стойкой. Республиканские артиллерия и авиация — грозное оружие, силу которого испытали на себе не только наемники Франко, но и германо-итальянские друзья мятежного генерала.

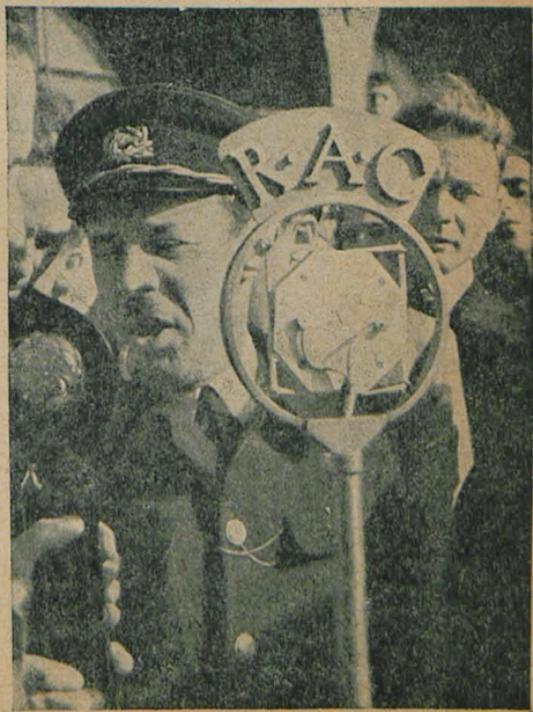
Вспоминается эпизод боев за валенсийскую дорогу в марте 1937 г. Мы приехали в район Арганды и снимали здесь дорогу, по которой шли воинские части, двигались автомашины, переполненные бойцами. Вдруг продвижение частей было прервано. В воздухе с зловещим гулом появились фашистские эскадрильи. Привычному глазу не трудно было узнать непрошенных

Барселона. Встреча парохода „Зырянин“

Барселона. Встреча парохода „Зырянин“, доставившего продовольственную помощь трудящимся Советского союза женщинам и детям Испании.

На митинге выступление капитана т. Борисенко.

гостей — это летели итальянские «Капрони» и германские «Гейнкели». Они шли на Арганду, чтобы уничтожить этот важный стратегический пункт и попытаться отрезать Мадрид от валенсийского побережья.

Мы с нашими аппаратами оказались возле батарей зенитной артиллерии. Бойцы быстро и четко подготовились к обороне. В это время слышались уже разрывы фашистских бомб на передовых линиях республиканских частей. Но эти взрывы были заглушены сокрушающей канонадой зенитчиков. Поистине убийственный огонь республиканской артиллерии быстро обратил налетчиков в бегство. Но фашистам не удалось удрать — из-за горы появилась быстрая эскадрилья республиканских истребителей и, догнав врагов, завязала с ними бой в воздухе.

Этот день мы закончили съемкой падающих и догорающих на земле «Капрони», «Юнкерсов» и «Гейнкелей». Правительственные артиллерия и авиация работали исключительно четко и слаженно.

Немецкие и итальянские фашисты, мечтавшие о легкой добыче, жестоко ошиблись. Героический испанский народ мужает и крепнет с каждым днем. От обороны он переходит к наступлению. Твердо веришь республиканским бойцам, когда они, сжав кулаки для революционной клятвы, говорят:

— Они не пройдут! Мы пройдем!

Б. Макаеев

К СОБЫТИЯМ В ИСПАНИИ

Испания на экране

СЪЕМКИ СПЕЦИАЛЬНЫХ
КОРРЕСПОНДЕНТОВ
СОЮЗКИНОХРОНИКИ
О П Е Р А Т О Р О В
Р. КАРМЕНА и Б. МАКАСЕЕВА

МОНТАЖ РЕЖИССЕРОВ
И. КАРАМЗИНСКОГО, И. ПОСЕЛЬСКОГО,
Л. СТЕПАНОВОЙ, В. ЕРОФЕЕВОЙ, И. КО-
ПАЛИНА, Ф. КИСЕЛЕВА, И. СЕТКИНОЙ,
М. ФИДЕЛЕВОЙ, О. ПОДГОРЕЦКОЙ,
С. КАРАБАНОВОЙ, М. СЛАВИНСКОЙ.

Музыкальное оформление
Д. БЛОКА, А. ГРАН, А. РОЙТМАНА

К нам, читатель, — к тебе и ко мне, к трудящимся всего мира обращены слова великого Сталина:

«...Освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

Читатель!

Свободная Испания ждет твоей помощи.

«К событиям в Испании» — кинематографический документ борьбы народа за свободу Испании. Слушайте!

Смотрите!

Читайте!

Слово предоставляется диктору.

— Испания! Внимание всего мира приковано к этому уголку Европы.

Героический испанский народ сбросил ненавистную монархию, и 16 февраля этого года у власти стало законно выбранное правительство народного фронта.

Но слишком важное стратегическое место занимает Испания на карте Европы. Она закрывает вход в Средиземное море.

Германские и итальянские империалисты не раз пытались проглотить испанское Марокко.

Германия и Италия стремятся захватить Балеарские острова, чтобы угрожать Гибралтару и путям Франции в ее африканские колонии.

Параллельно словам диктора на экране стрелка показывает Испанию — Гибралтарский пролив, испанское Марокко, Балеарские острова...

В испанском Марокко собирали силы недобитые палачи народа. Здесь находился иностранный легион — наемное войско профессиональных грабителей и убийц, уголовный сброд мира вплоть до русской белогвардейщины.

В ночь с 17 на 18 июля генерал Франко начал мятеж и перебросил части на юг Испании с заданием наступать на Мадрид.

Пролетарии Севильи, Малаги, Гранады, Кордовы приняли на себя первый удар, отбивая наступление фашистов.

В ночь на 19 июля Сеутская радиостанция передала: «Над всей Испанией безоблачное небо». По этому условному знаку поднялись фашисты Испании, захватившие Наварру, Старую Кастилию и двинувшиеся на Мадрид.

«...Над всей Испанией безоблачное небо...» С тех пор чистое небо стало проклятием для мирного населения испанской земли. Чистое небо предвещает налет самолетов, смерть людям, разрушенные дома, нищету...

18 июля 1936 года, по роковому знаку Сеутской радиостанции, в разных местах Испании и в Марокко вспыхнул военно-фашистский мятеж. Офицерско-поповская каста (в Испании на каждые 6 солдат приходился один офицер, в Испании было 200 тысяч попов и монахов!) восстала за сохранение своих привилегий. Средневековая Испания в союзе с германским и итальянским фашизмом написала на своих знаменах:

«Военная диктатура. Монархия.

Восстановление привилегий капиталистов, помещиков и духовенства. Отмена аграрной реформы.

Союз с фашистскими Германией и Италией».

Мятежники опирались на дворянский состав офицерства, на рясоносную армию попов и монахов,

на кулаков, буржуазию, помещиков, на обманутые марокканские войска.

С такой армией нельзя победить мгновенно вооружившийся, готовый к отпору народ. Потребовалась помощь извне, от заграничных инициаторов мятежа.

И с первых дней мятежа фашистские Германия и Италия активно вмешались в борьбу, помогая мятежникам оружием, самолетами, бомбами, танками, артиллерией и, наконец, людьми.

Испания стала жертвой фашистской агрессии, германо-итальянской военной интервенции.

Фашистские мерзавцы заливают кровью Испанию, распродают испанскую землю, возрождают классическое средневековье. Фашисты в захваченных ими городах и деревнях убивают десятки тысяч людей. Прекрасные города сравниваются с землей или превращаются в груды развалин. Мадрид. Толедо. Герника. Картахена. Бильбао. В мае 1937 г. германские корабли расстреливали мирную Альмерию — город на берегу Средиземного моря. «Над всей Испанией безоблачное небо!..» Прочтите «Героический Мадрид» — маленькую книжку французского журналиста Луи Делапре. Он был послан в Мадрид парижской реакционной газетой «Пари Суар». Потрясенный виденным, он стал посылать в Париж сообщения, правдивые и насыщенные горячей симпатией к героическому испанскому народу:

«Эта толпа благословляет дождь, хотя и дрожит от холода. Потому что, когда проглянет солнце, вернутся и самолеты. Самое ужасное, самое чудовищное, самое жуткое, что я видел в Мадриде, — это тысячи мужчин, женщин и детей, которые страшатся возвращения солнца, как в камере приговоренные к смерти в последнюю ночь»¹.

«Над всей Испанией... безоблачное небо...»

Рабочие Мадрида с верными правительству войсками двинулись навстречу мятежникам и остановили насту-

¹ Луи Делапре, Героический Мадрид, Соцэкгиз, 1937. (Курсив наш. — Н. К.)

На улицах Мадрида

Вожди коммунистической партии Испании гг. Хозе Диас и Долорес Ибаррури (Пасионария).

пленение генерала Мола у горной цепи Сиерра-Гвадаррама, в 60 километрах от Мадрида.

Рабочие Барселоны быстро разгромили мятежников и перешли в наступление на Сарагосу.

Отряды наваррских помещиков и кулаков стремились захватить побережье Бискайского залива, чтобы получить снаряжение из Германии по морю, но их встретил жестокий отпор горняков, рабочих масс городов и баскского крестьянства. Испанский народ героически борется за свободную независимую Испанию...

23 августа 1936 года пограничному пикету народной милиции предъявили документы специальные корреспонденты Союзкинохроники — операторы Борис Макасеев и Роман Кармен.

Первые съемки Макасеева и Кармена: город Ирун на берегу Бискайского залива, окруженный кольцом мятежных войск, отрезанный от республики.

Город героически обороняется от непрерывных атак отборных частей мятежников.

Все помогают фронту. Старики и дети готовят мешки с песком для укрепления улиц и подступов к городу. Улицы готовы встретить внезапный прорыв врага.

По всем дорогам вокруг Ируна народная милиция охраняет революционный порядок.

В город идут добровольцы из деревень.

Группа молодых коммунистов получила оружие и отправляется на позиции.

На горных высотах вокруг Ируна, в 200 метрах от противника, укрепились боевые отряды народной милиции. Руководящую роль в операциях этого фронта играют коммунисты.

Начальник Ирунского фронта — секретарь коммунистической организации Ируна Мануэль Кристобаль.

Он получил донесение разведки и по карте изучает обстановку.

Фашисты зашевелились, — есть основания ждать наступления...

Полевой штаб готовит отпор.

Бойцы занимают линию обороны.

Испания не участвовала в империалистической войне, и те, кто не умел воевать, учатся здесь в огне гражданской войны.

Старая горная пушка становится грозным оружием в руках тех, кто не хочет фашистского ига, новых потоков крови и слез.

Горняки Бильбао и крестьяне Басконии снова отбили попытку фашистов прорваться у местечка Сибельцо. Важнейший пункт обороны у монастыря Сан-Марсиаль.

На экране — бойцы испанских республиканских войск, героическая борьба защитников Ируна.

САН-СЕБАСТЬЯН...

Город-порт и курорт возле Ируна находятся в том же кольце осады. Фашисты готовы превратить его в груды развалин, лишь бы дорваться до моря.

Ни детей, ни женщин не щадят германские самолеты...

На экране — воздушная бомбардировка внезапно опустевшего города. Только патрули охраняют пустынные улицы. Наши кинооператоры снимают «работу» самолетов. Пустынная улица... Разрушенные дома... Бойцы народной милиции...

**Вооруженный народ Испании раздавит фашизм...
Он хочет жить в свободной, независимой Испании!..**

И трогательная деталь... Часто, часто там, где бойцы, рабочие и крестьяне замечают устремленный на них объектив киноаппарата, они поднимают вверх крепко сжатые кулаки — Rot Front! — символ решимости бороться и победить, привет с экрана испанских рабочих и крестьян советскому зрителю.

2

Барселона! Красавица Барселона, крупнейший промышленный город и порт Испании.

На экране — порт, памятник Христофору Колумбу, замечательно красивые улицы.

Тридцать шесть часов продолжалась борьба штурмовой гвардии, народной милиции, вооруженных рабочих и крестьян с мятежниками на улицах, площадях и в зданиях Барселоны.

Следы разрушительной «работы» фашистских мятежников — разрушенные дома. Церкви. Собор...

Эти церкви и монастыри были крепостями фашистской реакции. Из этих же зданий враги народа, скрывавшиеся под маской религии, обстреливали защитников народного фронта.

После разгрома гнезд мятежников в монастырских подземельях — последних убежищах фашизма — нашли мумии монахов и монахинь, замученных самими служителями церкви. Народ впервые увидел, как фабриковались «святые мощи».

Все ценные произведения и исторические памятники бережно сохраняются. Они пригодятся для музеев, клубов, дворцов свободной Испании.

Баррикады, воздвигнутые в стратегических пунктах рабочих районов, всегда в боевой готовности.

Грузовики, автомобили, прохожие — все должны остановиться при возгласе: «Кто идет?» Ни один фашистский шпион не должен проникнуть в ряды народной милиции.

Круглые сутки город живет бурной боевой жизнью.

Город словно оцетинился и приготовился к прыжку к горлу врага. Мы не раз еще увидим вооруженных испанских рабочих и крестьян. Но теперь в Испании защищает свободу регулярная народная армия. А в те дни армия еще только формировалась. На экране — строевое обучение трудящихся — добровольцев народной милиции. Женщины под ружьем стоят рядом с мужчинами.

«На фронт, скорее на фронт!» — эта мысль у каждого, кто взял в руки оружие.

НА ФРОНТ!

Революционная Барселона провожает своих сыновей, мужей, братьев, отцов, невест на передовые позиции...

Лес крепко сжатых и поднятых вверх кулаков.

НА ФРОНТ!

Грузовики увозят вооруженных людей. Пушки и пулеметы поставлены на машины. Сотни автомобилей превращены в броневики. Бесконечен поток защитников свободной Испании.

В РАЙОНАХ СОМОСИЕРРЫ И СИЕРРЫ-ГВАДАРРАМЫ

Ожесточенные бои. Правительственные войска и милиция отесняют мятежников.

ВОЙНА!

А на земле, захваченной у помещиков, идет уборка урожая. Бойцы народной милиции охраняют мирный труд крестьян...

А рядом упорные бои.

Вооруженные рабочие наступают.

Все ближе и ближе к вражеским батареям.

Пулемет. Атака дружинников. Полевой госпиталь...

ТОЛЕДО

В великолепном дворце Амуррио — госпиталь. Его обслуживает добровольный персонал.

Город подвергается систематическим воздушным налетам мятежников.

Алькасар — старинная толедская крепость, в которой засела группа мятежников, окруженная республиканцами.

МАДРИД

Население Мадрида хоронит известного бойца за свободу и демократию, смелого воина республики — полковника Пуйга, сраженного вражеской шрапнелью на фронте Сиерры-Гвадаррамы.

Новые тысячи лучших сынов свободной Испании идут на фронт, чтобы победить врага, раздавить фашистскую гадину.

В первых рядах бойцов — героические женщины Испании. Это — женский комсомольский отряд, сформированный в рабочих кварталах Мадрида.

Слова героической Пасионарии:

«Молодежь, тревога! Все на ноги — в бой!

Женщины, героические женщины народа! Вспомните героизм астурийских женщин! И вы боритесь рядом с мужчинами, вместе с ними защищайте хлеб и покой ваших детей, жизнь которых находится под угрозой!»

БАРСЕЛОНА

Сценки на улицах города. Коррида — бой быков. На арене — тореро и бандерильерос. Пикадор...

Впервые в истории это традиционное, родившееся в средние века зрелище служит интересам испанского народа.

Весь сбор идет на нужды обороны.

На трибунах для зрителей — несколько десятков тысяч восторженно возбужденных людей.

Завтра торeadоры найдут лучшее применение своей отваге — в борьбе с взбесившимися врагами испанского народа.

Пикадоры и торeadоры покидают арену. На арене — бойцы республиканской армии. Народ их

Перед отправкой на фронт

Работницы табачной фабрики Аликанте тепло встречают капитана парохода „Нева“ т. Корневского.

приветствует стоя, крепко сжав кулаки.
Завтра эти бойцы займут передовые позиции на
фронте Сарагосы.
Военный министр обращается с речью к бойцам:

ВСЕ В БОЙ, ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПОБЕДА!

Казарма имени Карла Маркса. Сюда стекаются
тысячи добровольцев. Женщины провожают му-
жей, сыновей и братьев на передовые позиции.

**Здесь формировался интернациональный доброволь-
ный батальон.**

**В него входят живущие в Барселоне французы, немцы,
голландцы, австрийцы.**

**Всем им одинаково ненавистен фашизм, всем им дороги
интересы героически борющегося за свободу испан-
ского народа.**

Мужчины и женщины носят фригийскую шапочку — символ великой французской революции. «Освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества». Встает перед глазами образ Парижской коммуны.

И вспоминаются слова Маркса:

«Перед лицом прусской армии, присоединившей к Германии две французских провинции, Коммуна присоединила к Франции рабочих всего мира... Коммуна предоставила иностранцам честь умереть за бессмертное дело»¹.

На экране — группа Тельмана (немцы).
Группа Димитрова (французы).

**Весь испанский народ повторяет боевой клич Долорес
Ибаррури (Пасионарии), нашей Пасионарии, пламенно-
го трибуна и вождя народных масс Испании:
«Лучше умереть стоя, чем жить на коленях».**

¹ К. Маркс, Гражданская война во Франции, Партиздат, 1935, стр. 67.

Испанский крейсер «Хаиме Примеро» пользуется славой русского «Броненосца Потемкина».

В первые же дни фашистского мятежа матросы «Хаиме Примеро» арестовали офицеров и овладели кораблем. Сейчас «Хаиме Примеро» служит народу.

Он неустанно бомбардирует порты мятежников. Орудиями с боевого крейсера была разрушена захваченная мятежниками крепость Эль-Хаго.

«Хаиме Примеро» на рейде в порту Барселоны.

Жители Барселоны приветствуют моряков республиканского крейсера.

Через флаг корабля панорама открывает вид на барселонскую площадь — море людей. Многотысячный митинг.

Говорит глава каталонского правительства Кампанис:

«Народ Каталонии должен сплотиться воедино. Вместе со всей страной он должен напрячь все усилия для победы над врагом, подлым, вероломным, продающим прекрасную великую родину германскому и итальянскому фашизму».

«Смерть врагу! Мятежным генералам с кучкой наемных головорезов не покорить народа Испании!»

На заводе. Производство патронов.

Специалисты, старые рабочие, женщины, молодежь, не покладая рук, работают на оборону республики.

Производство винтовок, снарядов, ремонт орудий. Руками испанских рабочих выковывается вооружение республиканской армии.

НА САРАГОССКОМ ФРОНТЕ

Всего на расстоянии одного километра от города Уэски, занятого мятежниками, расположилась артиллерийская батарея республиканских войск.

На экране — республиканская артиллерия. Обстрел врага. Наступление.

Огонь батареи прикрывает бойцов народной милиции, продвигающихся вплотную к Уэске.

Артиллерия. Окопы. Перебежка бойцов.

Падает боец. Впереди идут другие! За мир на своей земле, за счастье своих братьев, детей, за будущее своей родины.

Уносят раненых. Перестрелка. Наступление. Самолеты.

Каждый день с аэродрома под Сарагосой поднимаются самолеты; они идут бомбить врага.

На аэродроме. Начальник аэродрома наблюдает за операцией в воздухе. Самолет выполнил задание. Летчики Буйе и Пиканьоль сбили вражескую машину...

Следы крови и пуль на корпусе самолета: летчик Пиканьоль тяжело ранен. Его отправляют в Барселону.

Будет бой!

Будет бой, и будет победа. Фашистам не прорваться!

5

В момент военно-фашистского мятежа примкнувшие к мятежникам юнкера захватили в Толедо старинную крепость Алькасар.

Отказавшихся сдаться мятежников республиканские войска окружили кольцом осады.

На экране — эпизоды борьбы за крепость Алькасар в Толедо. Артиллерия. Метание гранат. Ружейный обстрел мятежников. Борьба на баррикадах.

Командующий войсками Толедо непосредственно руководит боями.

Бои на улицах. Первая помощь раненым. По улицам, по крышам домов бегут наступающие дружинники. Стрельба из окон домов и балконов. Мятежные самолеты в воздухе. Взрывы снарядов. На развалинах — старая женщина...

Перед вами Хуана Габриэль. Она говорит о том, что вся ее семья погибла под этими развалинами.

Пасионария: «Ад, который описал Данте, — лишь бледное отражение действительности в тех местностях, через которые проходят эти современные вандалы. Убитые дети и старцы, изнасилованные, зарубленные женщины, разрушенные памятники искусства... Везде, где проходят фашисты, они сеют смерть и опустошение. И то, что происходит в захваченных фашистами районах, фактически произошло бы во всей Испании, если бы им не противостоял народ, воодушевленный верой в свои собственные силы...»¹

Отважные бойцы под пулеметным огнем врага проникают в Алькасар. Броневик. Раненые не покидают рядов. Тяжело раненый, увидев объектив аппарата, находит силы поднять в воздух крепко сжатый кулак.

Сокровище романского искусства — знаменитый кафедральный собор в Толедо — охраняется народной милицией.

А рядом идут ожесточенные бои. Возникают новые баррикады.

На стене дома — «Улица Карла Маркса».

Перестрелка.

Серп и молот — на полотнище флага.

6

В горах и лесах Гвадаррамы движутся на фронт республиканские войска и отряды народной милиции, чтобы преградить путь мятежникам, пытающимся прорваться к Мадриду.

Бой в горах. Отправка донесений. Работа полевого штаба республиканской армии. Республиканская артиллерия. Действия авиации.

Фашистский бомбардировщик немецкой фирмы «Юнкерс» разрушил мирный поселок Пегеринос.

¹ Д. Ибаррури (Пасионария), Фашисты не пройдут! Партиздат, 1937, стр. 84.

Взрыв снаряда в поселке. Беженцы уносят с собой жалкий скарб.

Население бежит от фашистских палачей, которые разоряют крестьянские поля, сжигают дома и сады, обрекают тысячи и тысячи трудящихся и их детей на нищету и голод.

Первая помощь раненым. Раненых отправляют в тыл, в горную долину.

На смену убитым и раненым бойцам идут подкрепления.

Новые отряды отправляются на передовые позиции. Их боевой лозунг — «Долой фашизм!»

Фашистам не пройти!

Не отдадим Мадрида — столицы народной республики!

7

Луи Деллапре:

«Я вам уже сказал: я только регистрирую ужасы, я только сторонний свидетель.

Но пусть все же мне будет позволено сказать то, что я думаю. Самое сильное чувство, какое я испытал сегодня, это не страх, не гнев, не жалость, — это стыд.

Я стыжусь, что я человек, если человечество оказывается способным на такую резню неповинных.

О старая Европа, вечно занятая своими мелкими делами и большими интригами! Упаси боже, чтобы ты не задохнулась во всей этой крови!»¹

МАДРИД — СЕРДЦЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСПАНИИ.

Улицы Мадрида. Плакат: женщина с винтовкой.
Бойцы на улицах Мадрида. Беженцы.

По всем дорогам идут в Мадрид люди, бежавшие от ужасов фашизма.

Фашисты сожгли их дома. Их близкие растерзаны и расстреляны.

¹ Луи Деллапре, Героический Мадрид, стр. 10.

Их мужа, братья и отцы героически бьются за счастливую, свободную Испанию.

«Перед тем, как я попал на станцию, я был свидетелем сцены, тягостной, но прекрасной.

В эту ночь близ Пуэрта дель Соль нашли трехлетнего ребенка. Он плакал, заблудившись в темноте. Одна из женщин, укрывшихся в подземелье Гран Виа, потеряла своего ребенка, мальчика того же возраста, белокурого, как и ребенок, найденный в Пуэрта дель Соль. Ей сообщили об этом. Она побежала в тот дом, где приютили ребенка, на улицу Монтера. В полутьме лавчонки со спущенными занавесами ребенок сосал кусок шоколада. Мать бросается к нему с протянутыми руками. Но вдруг раскрывает широко глаза, взгляд ее цепенеет: она ошиблась.

Это не ее дитя.

Долгие минуты она стоит неподвижно. Заблудившийся ребенок улыбается ей. Тогда она бросается к нему, прижимает к себе и уносит, думая о своем ребенке, которого так и не нашли»¹.

Больницы Мадрида переполнены жертвами фашистских зверств.

Эти дети бежали из районов военных действий.

В детской больнице. Матери возле детей.

Похороны павших бойцов. Прощание бойцов с товарищами.

Две старые женщины в окне, сжав кулаки, отдают салют павшим бойцам. За гробом идет девушка с букетом цветов. Народ Мадрида провожает погибших.

На место погибших тысячи добровольцев вступают в ряды народной армии.

На экране близкое, словно знакомое лицо генерального секретаря коммунистической партии Испании т. Хозе Диаса. Имя этого человека попу-

¹ Луи Деллапре, Героический Мадрид, стр. 15.

лярно не только в Испании, — его знают и любят везде и все, кому дорого дело свободной Испании. Его знают и любят везде в Советском союзе.

Речь т. Хозе Диаса:

«Дружинники! вы боретесь, подавая пример отваги, мужества, смелости.

Еще одно усилие, славные летчики, моряки!..

Вперед, все вместе к скорой победе над врагом республики!

За мир, за культуру, за отечество, которое мы, коммунисты, защищаем в первых рядах!

Республика в опасности!»

Запись добровольцев в героическую республиканскую армию. Добровольцы проходят строгий медицинский отбор.

Добровольцы:

Сойло Монтойя — шестидесятилетний крестьянин из Наварры.

Феликс Мерино — юный крестьянин из Валенсии.

Старики и юноши, канцелярские служащие и рабочие...

Военное обучение добровольцев. Раздача удостоверений бойцам народной милиции. Обмундирование и вооружение бойцов.

Эти эпизоды фиксируют моменты формирования **регулярной** народной армии. О такой армии говорит т. Хозе Диас в докладе на пленуме ЦК компартии Испании¹:

«Армии неприятеля мы противопоставляем формирующуюся народную армию, черпающую бойцов из широких масс нашей страны. Мы имеем также современное оружие. Но необходимо научиться владеть техникой, научиться военному искусству, ибо война — это наука и искусство. Недостаточно иметь на своей стороне право, как воображают некоторые романтики: надо суметь утвердить право силой».

...Бойцы в сборе. На экране — отряд, сильный духом и оружием, регулярной народной армии.

Бойцы уходят на фронт. Слова песни их догоняют.

¹ Журнал «Большевик» № 9, 1937.

Бойцы идут вперед,
За ними мать и братья,
И храбрецов народ
Берет в свои объятия.
Мадриду на спасенье,
В победное сраженье,
В атаку, Пятый полк!
В атаку, Пятый полк!

8

На экране — самая героическая женщина в мире, любимая всеми, кому дорого «дело всего передового, прогрессивного человечества», и ненавидимая его врагами, на экране — **наша Долорес Пасионария**.

Это она сказала:

«Помогите нам! Пусть никто не подымет руку на Испанию! Окончательное поражение, которое мы нанесем фашизму, явится смертельным ударом по мировой реакции. Помогите нам помешать разгрому демократии, ибо не приходится сомневаться, что в случае такого разгрома последствием его, несомненно, явится взрыв войны, в предотвращении которой все мы заинтересованы. Удержите руку интервентов»¹.

Ей пишут письма наши работницы — «Испания. Неистойой Долорес». И все в Испании знают, кому передать письмо с таким адресом. Про нее слагают стихи. Она сказала:

«Дело идет о жизни и будущем наших детей, здесь нет места никаким колебаниям, никакому малодушию. Мы, женщины, должны требовать от наших мужей мужества. Мы должны внушить им мысль, что надо уметь умирать с достоинством. Мы предпочитаем быть вдовами героев, чем женами трусов»².

С экрана слышим голос Неистойой Долорес Ибаррури:

«Мы готовы бороться до последнего издыхания!»

¹ Д. Ибаррури (Пасионария), Фашисты не пройдут! стр. 130.

² «Коммунистический Интернационал» № 14, 1936.

Народ Испании, вставай!
Женщины, защищайте жизнь ваших мужей и сыновей!
Все против фашизма!
Да здравствует законное правительство!
Да здравствует республика!»

Речь Пасионарии сочетается с кадрами — героические будни республиканской Испании: бойцы в окопах, на посту, на линии огня.

Женщины и дети Испании мужественно переносят все трудности героической борьбы против мятежных генералов и фашистских интервентов.
Взрослые ушли на фронт. Дети встали на место отцов и матерей — они убирают урожай.

Девушка с винтовкой проверяет документы, оставившая на дороге машины. Женщины шьют белье бойцам.

Тот, кто не на фронте, не покладая рук работает в тылу. Фронту нужны белье и одежда. Любовно готовят женщины Испании одежду для своих братьев, отцов и мужей.

Даже в очереди за продовольствием женщины, не теряя времени, вяжут бойцам фуфайки.

Враг все ближе подходит к Мадриду. Тысячи детей эвакуируются из Мадрида в Валенсию — в более безопасные районы.

Отправка детей. Дети садятся в машины. Мать покрывает поцелуями лицо ребенка.

Матери остаются в Мадриде. Они будут защищать Мадрид, свободу, счастливую жизнь для своих детей.

Бесконечно трогательна эта сцена. Девочка с кушкой. Девочка прижалась к матери, пристально смотрит. Женщина плачет. Женщина целует ребенка и что-то долго ему говорит. Мимо проходят отряды народной милиции.

Дети приветствуют бойцов крепко сжатыми кулаками.

В Мадриде (кинооператор Б. Макаеев, рабочий момент)

Летчик, перелетевший из лагеря фашистов к республиканцам

В Аликанте прибыл советский теплоход «Нева» с грузом продовольствия женщинам и детям Испании.

Пожать руку советским морякам, выразить чувства великой благодарности советскому народу пришли тысячи трудящихся Аликанте.

Работницы Аликанте тепло встретили капитана теплохода «Нева» т. Корневского.

Слова Долорес Ибаррури (их трудно не вспомнить, глядя на экран):

«Сестры из страны социализма! И все вы, товарищи, которые под руководством великого и любимого товарища Сталина, преодолев все опасности и трудности, создали социалистическое общество, — ваши друзья, трудящиеся Испании, ведущие борьбу против фашизма, шлют вам пламенный благодарный привет!

Ободренный вашей помощью, героический испанский народ заверяет вас, что не упадет духом в этой борьбе. Фашизм не прорвется, мы задержим и отбросим его!

Уверенность в этом поддерживается сознанием; что мы не одиноки, что существуете вы, советские женщины. Наша борьба окрепнет, и отчаянные атаки врага отпрянут от стальной стены народного единства»¹.

9

Съемки первых дней приближения мятежных войск к Мадриду.

...Дорога. Бесконечная вереница грузовиков, повозок, людей.

Революционный Мадрид непрерывно посылает подкрепления на передовые позиции.

¹ «Правда», 25 сентября 1936 г.

Кинооператор Кармен снимает проезжающий мимо мотоцикл (рабочий момент).

Бойцы идут к передовым позициям.

На позициях. В окопах.

Кинооператор Макаеев снимает пулеметчика (рабочий момент).

На подступах к Мадриду идет упорная борьба.

В МАДРИДЕ

Плакаты народного фронта:

«В атаку! В наступление!»

«Все на защиту Мадрида!»

Портреты товарища Сталина и Пасионарии.

Разбрасываются листовки.

Мимо памятника Сервантесу проходят бойцы.

Напряженно живет народ. Мобилизуются все силы для отпора врагу.

Плакат: Фильм «Мы из Кронштадта».

В кинотеатре «Капитоль» тысячи зрителей смотрят советский фильм «Мы из Кронштадта».

Очередь у кассы театра.

...Мадрид на рассвете. В воздухе — самолеты мятежников. Сирена. Зловещий рокот моторов. Наши операторы снимали Мадрид в минуты самой большой опасности. И можно ли упрекать их в том, что они рисковали жизнью, если каждый из нас уверен, что и сам поступил бы так же?..

Сегодня этот прекрасный город горит, зажженный бомбами фашистских варваров.

Великолепные памятники страны, выдающиеся произведения искусства и культуры превращаются в дымящиеся развалины...

10

Второй месяц героические бойцы республики защищают от фашистских палачей сердце революционной Испании — Мадрид.

Бомбы германских «Юнкеров» и итальянских «Капрони» превращают в развалины этот прекрасный город.

Страшные по напряжению и трагизму эпизоды уничтожения города, убийства людей, в том числе — женщин, стариков, детей... Самолеты в воздухе — смерть над городом... Горят дома. Обезумев, прячутся люди...

Человечество никогда не забудет фашистского варварства.

Трупы убитых детей... Обезумевшие от горя люди. Разрушенные жилища...

Великий и грозный счет предъявит фашистским палачам испанский народ в день своей победы.

Обороной города руководит комитет во главе с генералом Миаха. В комитете разрабатываются планы боевых действий республиканцев на мадридском фронте.

Генерал Миаха и офицеры штаба Фонтан, Мательяна и Флорес склонились над картой. Строятся баррикады на улицах. Мадрид превращается в неприступную крепость революционной Испании.

Лакат: «*No pasaran!*» («Они не пройдут!»)

Город опоясан кольцом баррикад, окопов и проволочных заграждений.

11

Из разрушенных мятежниками пригородов Мадрида тысячи людей, лишенных крова, идут в центр города.

Беженцы — лишенные крова женщины, дети, старые и слабые люди. В руках и на спинах у них — жалкий домашний скарб.

Они идут пешком, едут на лошадях, ими полны трамваи, грузовые машины. Их много...

Вооруженные люди идут в противоположную от них сторону. Новые отряды революционных бойцов идут на позиции.

На фронтоне дома портрет товарища Сталина.

Знакомое и любимое лицо вождя трудящихся всего мира.

Бойцы Каталонской колонны.

Во главе своей колонны прибыл в Мадрид один из активных деятелей народного фронта, вождь каталонских анархистов Буэнавентура Дуррути.

Дуррути слушает сообщение начальника своего штаба Мансона, только что прибывшего с фронта.

Наши операторы сняли Дуррути за час до его убийства. Он был убит из-за угла предательской пулей фашистов.

В ПАРКЕ КАСА ДЕЛЬ-КАМПО

Большой парк на западной окраине Мадрида стал местом ожесточенных боев.

Перебежка бойцов. Постройка окопов.

Матери и отцы навещают бойцов на передовых позициях.

На площадях города революционные артисты и поэты читают стихи, зовущие к обороне Мадрида.

Плакат: сапог республиканского бойца давит змею — фашизм.

Вражеские силы, притаившиеся в подпольи, могут нанести удар в спину.

Органы безопасности Мадрида очищают город от гнезд фашистских бандитов.

Специальные патрули, неустанно объезжая улицы города, зорко охраняют интересы республики.

Так называемая «Пятая колонна» готовилась присоединиться к Франко в Мадриде. Агенты Франко и Гитлера укрылись в зданиях дипломатических миссий. Из-за угла они убивали друзей народного фронта и, корректируя стрельбу с самолетов, помогали уничтожать жилища рабочих, убивать детей и женщин.

Троцкисты — агенты Франко — Гитлера — Муссолини.

Предоставим слово т. Хозе Диасу:

«Кто враги народа? Враги народа — это фашисты, троцкисты и бесконтрольные элементы... Чтобы уничтожить

«Пятую колонну», надо уничтожить также тех, кто защищает политические лозунги врага. А лозунги нашего врага: против демократической республики, против антифашистского народного фронта, против правительства народного фронта, против регулярной армии, против Советского союза, за то, что он проявляет такую прекрасную солидарность с испанским народом в этой борьбе.

Франко и остальная сволочь нагло заявляют, что они защищают отечество, нацию. Они, предавшие родину, продающие международному фашизму нашу территорию по кускам, имеющие наглость назвать себя «националистами», приходят в бешенство, когда мы их разоблачаем как изменников родины и палачей народа. Они не признают за нами, за испанским народом, принадлежащее нам по закону право защищать нашу страну. Какова же позиция троцкистов в этом отношении? Такая же, как и позиция Франко.

Когда в Советском союзе была раскрыта подлая деятельность контрреволюционной троцкистской банды и троцкистские преступники — шпионы и вредители — предстали перед пролетарским судом, испанские троцкисты, спеша на защиту своих друзей, присоединились к хору германской и итальянской фашистской прессы, злобно обрушившейся на советский строй за то, что он сумел раскрыть преступные махинации фашистских агентов. Отсюда ясно, что эти агенты фашизма не имеют ничего общего с пролетариатом или с какой-нибудь честной идеей. Мы боремся с троцкистами потому, что они являются агентами наших врагов, пробравшимися в ряды антифашистов! Ошибочно было бы считать троцкистов частью рабочего движения. Это беспринципная группа контрреволюционеров, агентов международного фашизма. Глава этой контрреволюционной банды — Троцкий — прямой агент Гестапо. В своей злобе против Советского союза, против великой большевистской партии и против Коммунистического Интернационала троцкисты подают руку фашистам. Вот почему коммунисты решительно отказываются находиться в каком бы то ни было органе вместе с троцкистами. Партия должна поставить перед рабочими массами вопрос о беспощадной борьбе с троцкистами, чтобы воспитать массы для борьбы против скрытых врагов рабочего класса.

Троцкизм — не политическая партия, а банда контрреволюционных элементов. Фашизм, троцкизм и «бесконтрольные» элементы — это три врага народа, которые должны быть

изъяты из политической жизни не только в Испании, но и во всех цивилизованных странах» (громкие аплодисменты)¹.

12

Получив отпор на подступах к Мадриду, фашисты бомбардируют город с воздуха.

Замечательная столица Испании уничтожается фашистскими варварами. Пожарные команды не успевают спасти дома. Гибнут жилища. Гибнут величайшие архитектурные памятники. Безгранично горе людей...

Изуродованный труп ребенка. Трупы мирных граждан Мадрида — длинная шеренга гробов.

Все это следы очередного налета фашистов.

Пройдут месяцы, может быть, дни... И посвященные Испании выпуски кинохроники будут демонстрироваться на суде как документальное доказательство неслыханных преступлений германо-итальянских и испанских фашистов...

В РАЙОНЕ КАРАБАНЧЕЛЬ БАХО

В рабочем районе Карабанчель Бахо, частично занятом фашистами, республиканские войска ни на один шаг не отступают от своих позиций.

13

Провинция Валенсия — одна из самых плодородных областей Испании. Прекрасной валенсийской земли не коснулся сапог озверелого фашизма, несущий смерть и разрушение, опустошающий целые деревни уничтожающий поля и сады.

В садах Валенсии — уборка урожая апельсинов. Огромные рисовые поля. Работают женщины и дети.

Почти все мужчины ушли на фронт.

Житница Испании — Валенсия — снабжает Мадрид продовольствием.

¹ Доклад г. Хозе Диаса на расширенном пленуме ЦК компартии Испании 5 марта 1937 г., журнал «Большевик» № 9.

В национализированном замке валенсийские крестьяне открыли детский дом для ребят, эвакуированных из Мадрида.

Дети видят прямо перед собой объектив киноаппарата и поднимают крепко сжатые кулаки. Rot Front! Они приветствуют с экрана своих советских товарищей.

Митинг в деревне, посвященный прибытию ребят из Мадрида. Речь мальчика.

ВАЛЕНСИЯ

Замечательно красивые улицы города. Отправка на фронт продовольствия. Сбор пожертвований в пользу детей, пострадавших от фашистских зверств. Военно-учебный пункт на арене цирка. Обучение новобранцев. Здание правительства республиканской Испании.

Альварес дель Вайо — министр иностранных дел и генеральный комиссар республиканской армии.

К министру пришла делегация дружинников, уходящих на мадридский фронт.

Коммунистический депутат кортесов, секретарь ЦК коммунистической партии Испании Хозе Диас.

Народ горячо приветствует пламенного борца и трибуна революционной Испании — Долорес Ибаррури — Пасионарию.

14

Встретив жестокое сопротивление республиканцев на подступах к Мадриду, озверелые фашистские мятежники бомбардируют город с самолетов.

На экране развалины Тетуана. Люди роются в обломках домов и вещей...

Вот результаты работы немецких «Юнкерсов», только что пролетевших над рабочим районом Тетуан.

Из-под груды обломков извлекают пятилетнего ребенка. Девочка...

ЖИВА!

С ребенком на руках мужчина убегает прочь от проклятого места. Здание в огне...

Гвадалахара! Пылает дворец Инфантадо — гордость испанского народа! Прекрасное сооружение архитектуры пятнадцатого века, объявленное национальным памятником, уничтожено в несколько часов.

В военных школах готовятся новые кадры бойцов и командиров народной армии испанской республики.

Артиллерийский огонь. Пулемет. Стрельба из винтовок, все это — обучение молодых бойцов.

Республиканская армия! Как непохожа она на рабочие дружины в первые дни мятежа. На наших глазах, в выпусках кинохроники, проходит история чудесного превращения полупартизанских отрядов в сильную — не только духом, но и выучкой, но и дисциплиной, но и вооружением — **народную республиканскую армию.**

НА МАДРИДСКОМ ФРОНТЕ

Перестрелка. Отдых бойцов. Стенная газета. Портрет товарища Сталина. Отдаленные фабричные трубы.

Там, за чертой фабричных труб расположился противник.

Командиры интернациональной бригады готовят план атаки.

На рассвете наступление...

Наступление. Цепь бойцов. Артиллерийская перестрелка. Бойцы побежали вперед. Легли. Снова побежали вперед. Рвутся снаряды...

Враг отброшен. Республиканские части захватили двадцать пять пленных.

Эти люди были насильно мобилизованы фашистскими генералами. Они рады, что находятся в плену, в лагере близких по классу людей. Онижимают им руки и поднимают вверх сжатые кулаки. Они решили бороться в рядах республиканской на-

родной армии. В республиканскую армию приняты и два пилота — бортмеханик Эваристо Дарвалеяра и летчик Антонио Блас де Латорре, перелетевшие из стана мятежников.

Отдых. Под гармонику танцуют арагонские народные танцы. С пригорка спускается командир т. Листер.

В короткой речи, обращенной к бойцам, т. Листер подводит итоги боевого дня.

Бойцы народной армии готовы защищать Мадрид и всю страну до последней капли крови.

15

Героическая столица Испании, давшая сокрушительный отпор фашистским мятежникам, изо дня в день укрепляет передовые позиции.

Мадрид опоясывается новыми линиями окопов. Укрепляются баррикады в городе.

Фашистские самолеты не прекращают бандитских налетов на столицу.

К развалинам дома прикреплен плакат. На плакате — кровавый след руки и слова:

«ЗДЕСЬ ПРОШЕЛ ФАШИЗМ!»

Дворец герцога Альбы. Старинная сокровищница искусства уничтожена немецкими бомбами.

С опасностью для жизни бойцы республики сумели спасти ряд художественных ценностей от разрушения.

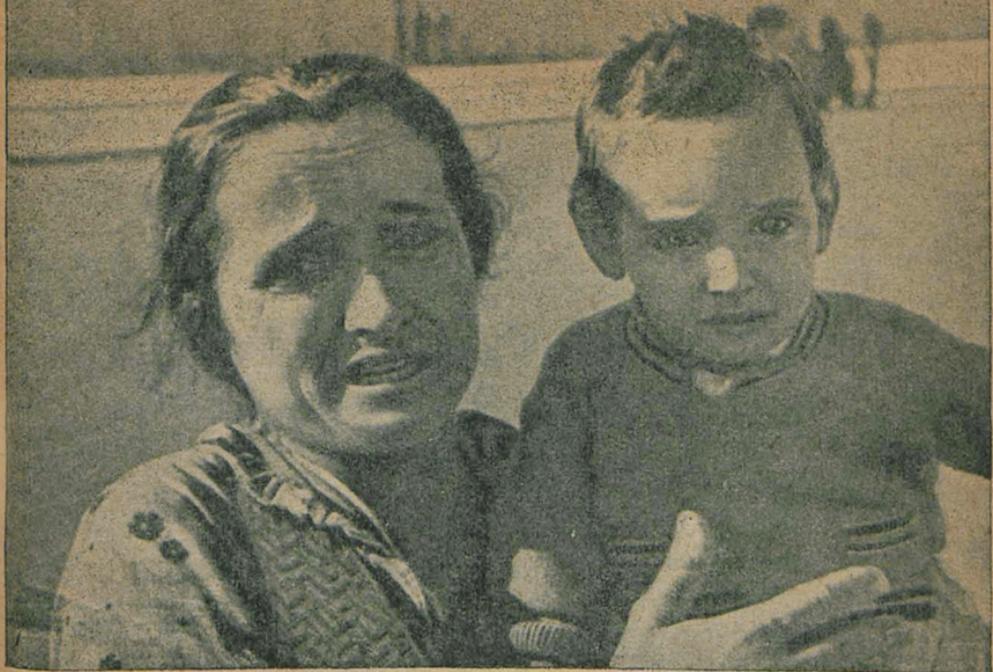
Картины Веласкеса, бронзовый бюст герцога Альбы, королевская карета, старинные книги...

Солнечный прекрасный Мадрид никогда не забудет зимы 1936 года.

На плакатах написано:

«Мадрид—это Петроград в 1919 году»

Не ослабел героический дух населения осажденной столицы. Женщины помогают фронту. Организованы бригады для стирки белья бойцам.

В Мадриде

Моряки „Хайме Примеро“

В трех километрах от Мадрида, в районе фронта, работа на полях не прекращается.

Крестьяне отправляют в Мадрид продовольствие.

НА ФРОНТ!

Бронепоезд. Вооруженные железнодорожники.

В КАСА ДЕЛЬ-КАМПО

Сигнал командира: «Огонь!» Выстрел.

Бойцы снова заряжают орудия. Сигнал командира: «Огонь!...»

В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ГОРОДКЕ

Из окон университета стреляют бойцы. Интернациональная бригада республиканских бойцов.

В славную интернациональную бригаду армии Испанской республики прибыло пополнение.

Боец и организатор бригады им. Андре Марти произносит речь. Боец срывает с головы кепи и надевает испанскую шапочку.

Английские углекопы, французские металлисты, немецкие писатели, польские текстильщики готовы отдать свою жизнь за революционную Испанию.

По арене цирка проходит маршем отряд интернациональной бригады.

Песня:

Идут стальные колонны,
И песнь ведет их строй.
Из крепкой стали их бури сковали
В прозе боевой.

На фасаде здания — портрет товарища Сталина.
Портрет товарища Ленина. Портрет товарища Ворошилова...

Всех в этом жарком горниле
Сплавил дымные ночи.
Родину вместе хранили
Воин, батрак и рабочий.

НА ФРОНТ!

Грозы бойцов не согнули.
Если герои в походах гибнут
От вражеской пули,
Их дети за дело народа
Встанут крепкой стеной!
Встанут крепкой стеной!

16

Картахена — крупный город, порт Испании — основная морская база республики, подвергался неоднократным бомбардировкам с фашистских самолетов.

Город непрерывно укрепляется. Строятся земляные баррикады.

Эти дома и улицы, разрушенные немецкими и итальянскими бомбами, покинуты населением.

Горы. Пещеры, укрепленные подпорками. Целые семьи укрываются от бомбардировки в таких убежищах.

Порт. Моряки республиканского военного флота. Группа моряков возле орудий.

Команда крейсера «Libertad» («Свобода»), не теряя ни одной минуты, упорно осваивает технику морского боя.

Крейсер готовится к новым боям с врагами Испании.

В тяжелые для Испании дни, когда озверелый фашизм уничтожает мирное население, лишает детей крова и родителей, правительство республики Испании окружает детей вниманием и заботой.

«Праздник игрушки» в Валенсии. Карнавал детей. Дети и взрослые поднимают руки — Rot Front! Карнавальное шествие.

Праздник превратился в народную антифашистскую демонстрацию.

Колесница СССР. На колеснице — девушка с сжатыми кулаками и фигура красноармейца с винтовкой. Большой портрет товарища Сталина.

На заводе. Сборка автоброневых машин.

Растет техническое оснащение республиканской армии.

НА АРАГОНСКОМ ФРОНТЕ

Разведка самолетов правительственной авиации.

В полутора километрах от Теруэля, в деревне Альфамбра расположилась на привал интернациональная бригада им. Чапаева.

Отдых бойцов. По команде командира бойцы встают и через минуту готовы к борьбе.

НА ФРОНТ!

Бригада уходит на фронт. В ритме марша идут колонны бойцов.

17

Девять месяцев продолжается героическая борьба испанского народа за свободу и независимость.

Любовью и нежной заботой окружены раненые бойцы республиканской армии.

В лазарете им. Пасионарии. Девушка передает цветы раненому бойцу. На кроватях раненых — подарки. Сестра милосердия читает раненому книгу. На переплете книги — портрет В. И. Ленина.

Тыл неразрывно связан с фронтом.

Все работают на нужды фронта.

Швейная мастерская. Работа испанских женщин.

С каждым днем растет вооружение республиканской армии.

Завод. Сборка автоброневых машин. Установка пулеметов на броневой машине.

Рабочие завода передают фронту новую партию бронемашин.

Митинг во дворе завода. Отправка машин. Рабочие полны гордостью за вклад в общее дело обороны республики.

Республиканская армия одержала блестящую победу на гвдалахарском фронте.

Республиканцы заняли город Бриуэгу.

На стене дома — надпись: «Да здравствует королевская Испания!» Республиканский боец стирает надпись со стены дома.

Надпись «Viva Hitler!» боец замазывает густым слоем грязи.

Командир интернациональной бригады беседует с пленными итальянцами, оборванными, испуганными.

Один из командиров показывает захваченное в бою знамя «батальона смерти». Груда военных трофеев — ружья, пушки, пулеметы...

Ящик с гранатами. На ящике надпись на итальянском языке. На снарядах — название итальянской фирмы «Tritolo D. A. S. 1935».

На танках — клейма немецких фирм.

Вооруженные республиканские части занимают новые позиции.

На фронт прибывают все новые и новые отряды технически окрепшей регулярной армии испанской республики.

Проводы бойцов на вокзале — демонстрация единства народа и армии. Тысячи рук тянутся к бойцам — до свиданья, товарищи!

ROT FRONT!

Вперед!

За Республику!

За независимость!

18

Утро 1 Мая, Мадрид, героический Мадрид, перенесший столько тяжелых испытаний.

На фронтонах домов и балконах — первомайские

плакаты и лозунги. 1 Мая рабочие Испании отказались от праздничной демонстрации. Все предприятия работают на нужды фронта.

Отряды мадридской молодежи вышли на общественные работы по укреплению города.

Бастион имени товарища Сталина.

В швейной мастерской. В патронном цехе завода... Артиллерия фашистов бомбардирует Мадрид. Горят дома, горят целые кварталы. Мирное население укрывается в убежищах и в подземельях метрополитена.

Замерла жизнь в городе. Опустела Гран Виа — центральная улица.

На зверства беснующихся фашистов, расстреливающих женщин и детей, разрушающих памятники искусства, республиканская артиллерия ответила сокрушительным огнем...

Товарищ!

В испанской хронике наших кинооператоров нет ни слова «от автора». На экране — правда, только правда... Киноаппарат на языке кино только повторял слова Пасионарии:

«С первого дня борьбы испанский народ был уверен в своей победе над темными силами, которые олицетворяли эксплуатацию, угнетение народа в прошлом, его порабощение и унижение в будущем. Эти силы поднялись, чтобы наложить на народ позорное ярмо фашизма.

— Мы их победим! — так сказал народ, начиная борьбу в первый день мятежа.

— Мы их победим! — так говорили уста, так чувствовали сердца.

Взрослые и дети, женщины, старики, помнящие о прошедших битвах с реакцией, народная милиция — все республиканские силы слились в одном порыве, в одной уверенности: — Они не пройдут!

Каждый вложил в эту борьбу всю свою душу. Не забудьте: ведь мы начинали битву без оружия, потому что предатели передали накануне мятежа все оружие нашим врагам.

Не находясь в эти дни в Испании, трудно, невозможно представить себе всю степень героизма нашего народа.

Матери не плакали, провожая своих детей, которые шли, чтобы встретиться со смертью. Женщины требовали от мужчин жертвенной храбрости. Они предпочитали быть вдовами героев, чем женами трусов».

Скоро исполнится два года, как Испания залива-ется кровью... Мы шлем нашим товарищам, нашим братьям, защитникам свободной Испании, горячий привет. Мы повторяем ставшие интернациональными слова героической Пасионарии:

«NO PASARAN!

PASAREMOS!»

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Р. КАЦМАН.</i>	
Советские операторы хроники (вместо предисловия)	3
<i>Б. МАКАСЕЕВ</i>	
В революционной Испании (записки кинооператора)	17
Испания на экране (литературный монтаж)	59

Отв. редактор *Н. Колин*
Техредактор *В. Безпалова*
Корректор *Н. Постникова*
Выпускающий *Герасимов*

*

Сдано в набор 23/X 1937 г. Подписано
в печать 14/VI 1938 г. Формат бумаги
82 × 110¹/₃₂ д. л. Объем 3 п. л.
Уч. авт. л. 5. Изд. № 1. Инд. К—3
Тир. 15 000 экз. Уп. Главлита Б 37684.
Заказ № 5791.

*

Типо-литография им. Воровского,
ул. Дзержинского, 18

Цена 1 руб. 50 коп.